

Новый Перевод

М. Т. Свен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ  
ТОМА  
СОМЕРА

# Марк Твен

# Приключения Тома Сойера

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=49789078](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49789078)*

*ISBN 9785005098948*

## Аннотация

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова знаменитого романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера», вечно юной книги, благодаря которой взрослые и порой чересчур серьёзные люди всегда имеют возможность открыть дверь, ведущую их в своё счастливое, озарённое никогда не заходящим Солнцем Детство.

# Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I	7
Глава II	21
Глава III	32
Глава IV	43
ГЛАВА V	60
Глава VI	69
Глава VII	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

# Приключения Тома Сойера

## Марк Твен

*Переводчик* Алексей Борисович Козлов

*Дизайнер обложки* Алексей Борисович Козлов

© Марк Твен, 2020

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2020

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-9894-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# ПРЕДИСЛОВИЕ

Большинство приключений, запечатлённых в этой книге, не выдуманно, многие случились лично со мной, остальные – с мальчиками, которые были моими одноклассниками и друзьями. Гек Финн извлечён мной из жизни целиком, Том Сойер также, если не считать, что некоторые его черты произошли от черт многих других людей – он представляет собой смесь характеров трёх славных мальчуганов, которых я знал лично, и, следовательно, он более сложен по своей человеческой архитектуре.

Все странные суеверия, которые столь дотошно описаны в этой книге, были распространены среди детей и рабов на Среднем Западе в описанный мной период, то есть тридцать или сорок лет назад.

Хотя моя книга предназначена в основном для развлечения мальчишек и девчонок, я надеюсь, что взрослые мужчины и женщины тоже не будут чураться её, поскольку львиная доля моего писательского плана заключалась в том, чтобы постараться приятно и ненавязчиво напомнить взрослым двуногим существам о том, кем они все когда-то были – просто маленькими мальчиками и девочками, и, возможно, воскресить в них то, что они чувствовали, что думали и говорили когда-то, много лет назад, и какими странными делами и играми порой были увлечены.

*ΑΒΤΟΡ*

*Χαρτφορντ, 1876*

# Глава I

– Том!

Нет ответа!

– То-ом!

Нет ответа!

– И куда запропастился этот мальчишка? Том!

Нет ответа!

Старая леди приспустила свои очки с носа и поверх них оглядела всю комнату, потом вздыбила очки на прежнюю позицию и выглянула из-под них. Она редко или почти никогда не смотрела сквозь очки на такую мелочь, как мальчишка, они были её парадной, выходной парой, гордостью её сердца, и были созданы для «стиля», а не для применения – с таким же успехом она могла бы смотреть на Мир и сквозь закрытые печные заслонки. Какое-то мгновение она была будто озадачена, а затем сказала, не яростно, но все же достаточно громко, чтобы её услышали стену и вся мебель в комнате:

– Ну, попадись ты мне только, скверный мальчишка! Я тебе...

Она не договорила, потому что к этому времени уже наклонилась и оживлённо шуровала метлой под кроватью, порой останавливаясь из-за того, что ей не хватало дыхания. Она обнаружила там только сонную кошку.

– Нет! Мне никогда не попадались подобные мальчишки!

Она подошла к открытой двери, постояла в ней и выглянула в сад, заросший буйными помидорными лозами впере­мешку с сорняками. Тома нигде не было. Тогда она возвы­сила голос до уровня, когда он мог быть услышан на другом континенте, и крикнула:

– То-о-о-о-м!

Позади неё послышался лёгкий шорох. Она обернулась как раз, чтобы успеть схватить маленького мальчика за край его куртки и вовремя пресечь его незапланированное бег­ство.

– Ну вот! Я могла бы и подумать об этом шкафе! Что ты там делал?

– Ничего!

– Ничего!?! Том! Посмотри на свои руки! Посмотри на свои губы! В чём это у тебя рот?

– Не знаю, тетя!

– Ну, а я знаю! Это варенье! Варенье – вот что это такое! Сорок раз я гтвердила тебе, что если ты не оставишь в покое этот джем, я с тебя шкуру спущу! Подай-ка мне этот прутик!

Прут на секунду повис в воздухе – опасность была отча­янно близка...

– Боже мой! Тётя! Смотри сюда! Да скорей! Что у тебя за спиной?!

Старуха резко дёрнулась, обернулась, подхватив свои юб­ки, оглядываясь в испуге. Мальчик тотчас же бросился на­утёк, мгновенно взлетел на высокий дощатый забор и был

таков.

Тётя Полли на мгновение застыла в изумлении, а потом тихо рассмеялась.

– Поверить этому мальчишке... Неужели я никогда ничему не научусь? Разве он не разыграл со мной кучу фокусов, чтобы я уже не раскусила его? Но старые дураки – самые большие дурни на свете. Старого пса, вижу, не научишь новым трюкам! Но, боже мой, он никогда не повторяется, что ни день – новая каверза, кто может угадать, что у него на уме? Он словно испытывает моё терпение, изучает, как долго он может терзать и мучить меня, прежде чем я выйду из себя и разъярюсь, и он знает, что стоит только отвлечь меня на минуту или рассмешить, и я уже не в состоянии сечь его розгами. Я не исполняю свой святой родительский долг перед этим мальчиком, и это, видит Бог, абсолютная правда. Только брось ребёнка сечь – и погубишь его, как сказано в «Писании». Я знаю, что это грех, и мы будем за это наказаны оба – и мне и ему придётся гореть в аду. Он сущий бесёнок, но, боже мой! он ведь сын моей покойной сестры, бедняжка-сиротинушка, и у меня почему-то никогда не хватает духу наброситься на него! Каждый раз, когда я отпускаю его, моя совесть вопиёт от боли, и каждый раз, когда я бью его, моё старое сердце разрывается на части. Ну- и- ну, краток век мужчины, рожденного от женщины, и полон скорбей, как говорит «Писание», и я думаю, что это довольно близко к истине. Школу он сегодня наверняка прогуляет и будет

шляться до вечера почём зря, и я буду не я, если не накажу его за это! Завтра я заставлю его поработать во славу Божию, завтра я, видит Бог, точно этим накажу его. Очень трудно заставить мальчика работать по субботам, когда у всех мальчиков каникулы, но он ненавидит работу больше, чем кто-либо другой, и я должна исполнить свой долг перед ним, иначе я погублю бессмертную душу этого ребёнка!

Том действительно с успехом прогулял все уроки, и при этом сумел очень хорошо провести время. Он вернулся домой как раз вовремя – чтобы помочь Джиму, маленькому вёрткому негритёнку, которому поручили на следующий день попилить и поколоть дрова перед ужином – по крайней мере, при этом он успел рассказать Джиму о своих новых приключениях, произошедших за то время, пока Джим сделал три четверти его работы. Младший брат Тома (или, скорее, его сводный брат) Сид уже закончил свою часть повинности (он подбирал и складывал чурки), потому что он был истинный тихоня и не искал приключений на свою квёлую задницу, и потому в сущности, проблем со старушкой никогда не имел.

Пока Том ужинал и крал сахар, как только выпадал случай, тетя Полли задавала ему вопросы, полные коварства и очень глубокого смысла – ей так хотелось заманить его в глубокую ловушку, и раскрыть все его тайны. Как и многие весьма наивные, простодушные души, она питала тщеславную убеждённость, что наделена особым талантом и пред-

расположенностью к тёмной и таинственной дипломатии, то есть любила рассматривать свои самые прозрачные детские уловки как чудеса самого изощрённого коварства.

Она изрекла:

– Том, в школе было довольно тепло, не так ли?

– Да, мэм!

– Очень жарко, да?

– Да, мэм!

– В такую жару разве ты не хотел купаться а реке, Том?

Том ощутил лёгкий тремор – тень неясного подозрения пала на него. Он внимательно всмотрелся в лицо тётки Полли, но оно к несчастью в этот момент ничего не выражало. Тогда он сказал:

– Нет,.. ну... не так, чтобы...

Пожилая леди медленно протянула руку и пощупала рубашку Тома. И подумав, сказала:

– Надо же! Даже не вспотел!

Честно говоря, ей льстило, что она обнаружила то, что рубашка сухая, и никто не догадался бы, что именно она имела в виду. Но, несмотря на это, Том сразу почувал, куда тут дует ветер. Поэтому он предвидел, каким может быть следующий шаг:

– Мы все по очереди подставляли голову под струю! У меня волосы до сих пор мокрые! Вот! Видите?

Тётя Полли с досадой подумала, что упустила из виду такую весомую косвенную улику, и следовательно поставила

под угрозой всё своё расследование. И тут на неё снизошло новое вдохновение:

– Том, тебе ведь не пришло в голову расстёгивать воротник рубашки, там, где я её пришила, чтобы подставить голову под струю, не так ли? Ну-ка, расстегни куртку!

Тревога на мгновение сошла с лица Тома. Он расстегнул куртку. Воротник его рубашки был надёжно зашит!

– Том! Тебе не надоело? Ну, иди, хватит! Я убедилась, что ты прогуливал школу и просто пошёл купаться в речке! Но я прощаю тебя, Том! Я думаю, что ты, как говорится, что-то вроде драной кошки – лучше, чем выглядишь на самом деле! Иди, плутишка!

Она с одной стороны сожалела о том, что её проницательность пропала втуне, и с другой – радовалась тому, что Том на этот раз оказался послушным пай-мальчиком.

Но тут на свою голову в разговор встрял Сид:

– Ну, если мне память не изменяет, вы, тётя, пришивали ему воротник белой ниткой, а тут она почему-то чёрная!

– Да, и вправду, я ведь шила белой ниткой! Том!

Но Том не стал дожидаться продолжения бала. Вылетая за дверь, он крикнул:

– Сид, я вздую тебя за это!

В безопасном месте Том осмотрел своё ноу-хау – две большие иглы, которые были воткнуты за лацканом его пиджака и обвязаны ниткой – одна нитка была белой, а другая чёрной. И тут Том посетовал:

– Она бы ни за что не заметила, если бы не этот чёртов Сид! Чёрт возьми! Иногда она шьёт белым, а иногда чёрным. Поди запомни тут, чем она там штопает! Мне бы хотелось, чтобы она придерживалась хоть какой-то системы, логики, и шила либо тем, либо этим – а так запутаешься с ней. Но держу пари, я ещё прибью тебя, Сид, за это! Я тебе покажу, чёрт подери, где раки зимуют!

Нет, Том явно не был образцовым деревенским пай-мальчиком! Однако теперь он очень хорошо познал подлость образцового мальчика – и сразу возненавидел его!

Однако минуты через две, а то и меньше, он позабыл обо всех своих бедах. Не потому, что его беды были для него хоть на йоту менее тяжелы и горьки, чем беды, наваливающие порой на обычных взрослых людей, а потому, что новый и ещё более сильный интерес смёл их и на время вытеснил из сознания – точно так же, как старые человеческие несчастья забываются по мере поступления новых бед. Этот новый интерес заключался в открытии ценной новинки – нового вида свиста, который он только что почерпнул у одного негра, и теперь Том очень страдал, не имея возможности потренироваться в свисте без чьих-то помех. Особенность свиста заключалась в своеобразном птичьем подголоске, в какой-то жидкой, тонкой трели, производимой прикосновением языка к нёбу через короткие промежутки времени прямо посреди мелодии, читатель наверняка помнит, как всё это делается, если ему повезло быть мальчиком. Усер-

дие и вдохновение вскоре принесли свои результаты, и он зашагал по улице с губами, исполненными божественной гармонии, и душой, полной благодати и смирения. Он чувствовал себя так, как чувствует себя астроном, открывший новую планету – но без сомнения, затей они соревноваться в этом, более сильное, глубокое и чистое удовлетворение почти наверняка получил бы маленький мальчик, а не за старый, замшелый астрономом.

Летние вечера такие тягучие. Было ещё светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомец – мальчик чуть крупнее его. Новоприбывший любого возраста и пола всегда вызывал острое, непреодолимое любопытство в бедной захудалой деревушке, которая почему-то носила гордое название – город СанктЪ-ПетербургЪ. Этот мальчик тоже был очень хорошо одет – очень хорошо одет – и это в будний день! Это было просто поразительно! Его фуражка была изящной и новой, очень дорогой и качественной вещью, застёгнутая на все пуговицы синяя суконная курточка тоже блистала новизной и была такой ужасно аккуратной, как, впрочем, и панталоны. Он был в новеньких башмаках – а ведь сегодня была только пятница! На нём был даже галстук – яркая красная ленточка на шее. У него был отвратительно городской вид – прикид модного городского пижона, и осознание этого мгновенно разъело все жизненные силы Тома. Одновременно это разъярило его. Чем больше Том разглядывал это овеществлённое великолепие, это омерзи-

тельное чудо, тем выше он задирает нос при воспоминании о своём собственном наряде, и чем более сиял наряд его зави, тем более убогим и жалким казался ему его собственный вид. Ни один из мальчиков не произносил ни слова. Если один двигался, другой вторил ему, но всё только боком, по кругу, они всё время стояли лицом к лицу и пристально вперивались в глаза друг другу. Наконец Том сказал:

– Я тебя вздую!

– Посмотрим! Попробуй вздуть!

– А вот и вздую!

– Ни черта у тебя не выйдет! Не вздуешь!

– Да нет, вздую!

– Не вздуешь!

– Вздую!

– Не получится! Не вздуешь! А ты попробуй!

– И попробую!

– Давай! Попробуй! И не вздуешь!

Неловкая пауза.

Потом Том и говорит:

– Как тебя звать?

– Не твоё дело!

– Я покажу тебе, чьё это дело!

– А ну попробуй!

– Если ты не заткнёшься, я тебя вздую!

– Не болтай много! Ну же! Давай!

– О, я вижу, ты считаешь себя чересчур умным, не так ли?

Я мог бы свалить тебя одной правой, а левую привязать за спиной, если бы захотел!

– А почему бы тебе не захотеть? Ты ведь говоришь, что можешь меня вздуть? Вздуй!

– Ну, я так и сделаю, если ты будешь валять со мной дурака!

– О да! Насмотрелся я на таких расфуфыренных страусов!

– Умник! Ты думаешь, что теперь ты король, не так ли?

О, какая у него шляпа!

– Возьми-ка мою шляпу, если она тебе нравится! Я тебя мигом укорочу – и любого, кто осмелится, он будет лизать яйца!

– Ты лгун и подонок!

– Сам такой!

– Ты болтливый лжец и не смей трогать это!

– Давай, вали отсюда!

– Слушай! Если ты мне ещё раз обзовёшься, я тебе кирпичом башку расквашу!

– О! А получится?

– Ещё как! Ещё как расшибу!

– Тогда почему бы тебе этого не сделать сейчас же? Ты всё время болтаешь, а на деле – ты пустышка! Слабак! Бояка!

– Сам ты трус! А я не боюсь!

– Ой, ли?

– Я – нет!

– Боишься! Я вижу тебя насквозь! Трус!

Ещё одна визжащая пауза. Они ещё шустрее шныряли вокруг друг друга и ещё свирепее пожирали друг друга выпучёнными глазами. Вскоре они уже стояли, толкаясь плечами.

Том сказал:

– Убирайся отсюда!

– Сам убирайся!

– Не уберусь!

– Я тоже!

Так они и стояли, каждый с ногой, поставленной под углом, как скоба, и оба пихались изо всех сил, и смотрели друг на друга с такой крутой ненавистью, что любо-дорого было смотреть. Но ни один из них не смог получить преимущества. После долгой борьбы, когда оба, распалённые, багровые от усилий, наконец ослабили натиск, Том сказал вкрадчиво:

– Ты трус! Жалкий щенок! Я скажу своему старшему брату, и он поколотит тебя одним мизинцем, я его позову, говорю! Смотри у меня!

– Плевал я на твоего старшего брата! У меня тоже есть брат, который ещё больше, чем твой, и больше того, он зашвырнёт тебя через забор!

(Оба брата сугубо выдуманные персонажи)

– Лжёшь!

– Говори – не говори, у тебя всё трёп!

Том провел большим пальцем ноги линию в пыли и сказал:

– Если осмелишься перешагнуть через это, и я отмутужу тебя так, что ты не встанешь после! На карачках у меня будешь ползать! Горе тому, кто преступит эту черту!

Новенький быстро переступает черту и заявляет:

– Раз ты уже сказал, что отмутузишь, давай посмотрим, как у тебя это получится!

– Не толкайся, поберегитесь лучше!

– Ну, уж если ты уже сказал, что что-то сделаешь, -то почему не делаешь?

– Клянусь Джинго! За два цента сделаю!

Новенький вынимает из кармана два больших медяка и с насмешкой протягивает противнику.

Терпеть такое было просто невозможно!

Тут Том бросился и повалил того на землю. Через мгновение оба мальчика катались и кувыркались в грязи, схватившись вместе, как кошки, и в течение минуты они дергали и рвали друг друга за волосы и драли одежду, били и царапали носы и уши, и покрывали себя пылью и славой. Вскоре сумятица и туман неясности стал рассеиваться, и Том оказался сидящим верхом на новичке и непрерывно колотящим его кулаками.

– Кричи «сдаюсь»! – повелевал он.

Мальчик тщетно пытался вырваться. Он плакал от унижения и ярости.

– Кричи «сдаюсь!» – орал Том, продолжал молотить врага кулаками.

Наконец боец издаёт сдавленное «Сдаюсь!» и Том отпускает его с презрительным наущением:

– Пусть это послужит тебе хорошим уроком! Выбирай лучше, с кем можно валять дурака, а с кем – нет!

Новичок отползает, отряхивая пыль с одежды, всхлипывая, шмыгая носом и время от времени оглядываясь, потом отбегает на приличное расстояние, качая головой и угрожая, что он сделает с Томом, когда поймает его в следующий раз. На что Том отвечает ему насмешкой и пускается в путь с высоко поднятой головой, и как только он поворачивается к тому спиной, тот хватается каменюгу и швыряет её, и каменюга попадает Тому между лопаток, а тот потом разворачивается и убегает во все лопатки.

Том гнал предателя до самого дома и таким образом узнал, где он живёт. Затем он некоторое время слонялся у ворот, призывая врага проявить благородство и выйти наружу, чтобы принять открытый, честный бой, но тот только строил ему через окно мерзкие рожи и отказывался выйти. Наконец появилась мамаша врага, назвала Тома ублюдком, злобным, гадким уродом и приказала ему убираться восвояси. И Тон ушёл, но предупредил, что теперь будет всё время караулить этого урода и в конце концов задаст-таки ему жару.

В тот вечер он вернулся домой довольно поздно и, осторожно забравшись в окно, обнаружил засаду в лице своей тётки, и когда она увидела, в каком состоянии парадный ко-

стюм Тома, её решимость превратить его субботние каникулы в адскую каторгу, стала непреклонной и твёрдой, как алмаз.

## Глава II

Наступило субботнее утро, и весь подлунный мир был весел, блистателен и полон жизни. В каждом сердце звучала песня, и если сердце было молодо, то музыка звучала и на устах. В каждом лице была радость, в каждом шаге – веселье. Акация была в цвету, и аромат белых шаров наполнял воздух. Кардиффский Холм, вздымавшийся за деревней, был покрыт яркой зеленой шерстью и лежал столь далеко, чтобы поневоле издали казался желанной Обетованной Землёй, землёй мечты, манящей и прекрасной.

Том появился на улице с ведром краски и кистью на длинной деревянной ручке. Он окинул взором бесконечные доски забора, и остатки былой радости мгновенно испарились. Глубокая печаль овладела душой Тома. Тридцать ярдов дощатого забора высотой в девять футов! Это была катастрофа! Всё рухнуло! Жизнь вдруг показалась ему пустой, бессмысленной шуткой, а существование – тягостным, бессмысленным бременем. Вздохнув, он обмакнул кисть и медленно провёл ею по кромке самой верхней доске, потом повторил операцию, повторил ещё раз, и ещё, сравнил жалкую белую полосу с простирающимся до горизонта континентом небеленого забора и вконец обескураженный и убитый, бессильно опустился на деревянный ящик.

Джим вприпрыжку выскочил из ворот с жестяным вед-

ром и запел «Девочек из Буфало». Носить воду из городско-го насоса всегда было самой ненавистной для Тома работой, но теперь она не казалась ему таковой. Он вспомнил, что у насоса всегда собиралась дружная компания. Белые, мулатки и негритянки, гомоня, ожидая своей очереди, сидели, шутили, отдыхали, обменивались игрушками, ссорились, дрались и прыгали. И он вспомнил, что хотя насос находился всего в ста пятидесяти ярдах от него, Джим никогда не возвращался домой с ведром воды раньше, чем через час – и даже тогда кто-то обычно должен был идти за ним.

Том сказал:

– Послушай, Джим, я принесу воды, если ты побелишь немного вместо меня!

Джим покачал головой и сказал:

– Не могу, Масса Том! Старая миссис, она сказала мне, что я должен идти прямо к насосу, и не отвлекаться ни на что по пути и перестать дурачить всех подряд. Она сказала, что наверняка Масса Том будет приставать к тебе с просьбами побелить забор, так ты его совсем не слушай, потому что у него свои дела, а ты иди своей дорогой и не оборачивайся! Ещё она промычала, что сама выползет поглазеть на твою побелку!

– Оу, а ты плюнь на то, что она говорит, Джим! Она всегда так говорит. Дай мне ведро – я мигом слетаю! Она никогда не узнает об этом!

– О, Масса Том, я не могу! О, миссис такая строгая, она бы

мне всю голову оторвала! Как пить дать, она бы так и сделала!

– Она? Оторвала голову? Она никогда никого пальцем не тронула! Так, иногда бьёт наперстком по башке, и кого это колышет, хотел бы я знать!?! Она говорит, по правде говоря, ужасные вещи, но от говорильни, как говорится, голова не отлетит – во всяком случае, от напёрстка не так уж и больно, если она к тому же не плачет! Джим, хочешь, я покажу тебе истинное чудо? Я дам тебе... целый алебастровый шарик!

Джим начал колебаться.

– Белый алебастровый шарик! Такой, что закачаешься!

– Боже мой! Говорю вам, Масса Том, шарик, оно конечно, хорошо, шарик – это вещь стоящая! Что спорить! Но Масса Том, я по-прежнему побаиваюсь старой миссис и её свирепого гнева!

– И, кроме того, если надумаешь,.. я покажу тебе... прекрасный нарыв на ноге!

Джим не был ангелом, он был всего лишь обычным простым человеком... Да! Соблазн был слишком велик! Для него он был практически непереносим. Джим поставил ведро на землю и зажал в кулак алебастровый шарик, с живейшим интересом склонил голову, с живейшим любопытством посматривая, как Том разматывает повязку на ноге. Но насладиться зрелищем ему не пришлось. В следующее мгновение Джим уже летел вдоль по улице с ведром в руках,

и болью в затылке, а Том принялся энергично возить кистью по забору, в то время, как тётя Полли покидала поле битвы с воинственной туфелькой в руке и лютым торжеством во взоре.

Надо констатировать, что энергии у Тома хватило ненадолго. Он стал мечтать о том, как весело ему предстояло провести этот день, и его печаль возросла, будто опара на дрожжах. Скоро свободные мальчики будут слоняться по улицам, встречая в разные восхитительные драки, будут смеяться над ним за то, что он должен быть рабом в то время, когда они свободны, как птицы – сама эта мысль сжирала его, как огонь. Он достал из кармана все свои мирские сокровища и стал инвентаризировать их – обломки игрушек, шарики и всякий прочий сор, в принципе, вполне достаточно, чтобы оплатить часть работы, но катастрофически мало, чтобы купить хотя бы полчаса абсолютной свободы. Поэтому он вернул свои скудные сокровища в карман и в душе почти отказался от мысли подкупить мальчиков. И в этот мрачный и воистину безнадежный момент на него снизошло вдохновение! Не что иное, как великое, божественное, неземное вдохновение!

Он взял кисть и с радостной улыбкой спокойно принялся за работу. Вскоре показался Бен Роджерс – тот самый мальчик, насмешек которого Том опасался больше всего. Походка у Бена воздушно легка, он не шёл, а летел, прыгая и приплясывая по пути, и по его прыжкам было понятно, как лег-

ко сейчас у него на душе, и как огромны и вместительны его жизненные притязания. Он ел яблоко и время от времени издавал протяжный мелодичный вопль, сопровождаемый глубоким динь-дон-дон, динь-дон-дон, ибо этим он изображал пароход. Подплыв ближе, он сбавил ход, выплыл к фарватеру улицы, сильно накренился на правый борт и на крейсерской скорости обогнул жалкую дырявую посудину Тома, подавая сигналы с большой помпой, как будто он был не какой-нибудь жалкой лодчонка в заливе, а настоящим, глубоко сидящим в воде огромным, прекрасным пароходом, уж никак не меньше «Большой Миссисипи», ушедшей под воду на целых девять дюймов. Он был одновременно и капитаном, и матросом, и ещё чёрт знает чем, так что ему приходилось представлять себя одновременно стоящим на своей собственной палубе и отдающим приказы и самому исполняющим их.

– Стоп машина! Сэр! Тинг-А-Линга -Линг!

Пароход развернулся, и медленно подъехал к тротуару.

– Задний ход! Тинг-А-Линга-Линг!

Руки парохода выпрямились и прижались к бокам.

– Поворот! Прав-во руля! Не мешкай, чёрт бы тебя побрал! Задний ход! Тинг-А-Линга-Линг! Чу! Ч- чу! Вау! Чу-ууу!

Его правая рука тем временем выписывала величественные круги, ибо она обязана была изобразить сорокафутовое корабельное колесо.

– Лево руля! Ш-шшшш! Где ты, Джим, чёрт бы тебя побрал? Тинг-а-Линга-Линг! Чау-ч-чау-чау!» Теперь левая рука начала описывать круги, демонстрируя усиленное вращение другого колеса.

– Правый борт! Стоп-машина! Все на палубу! Тинг-А-Линга-Линг! Стоп! Право руля! Давай вперёд, полный ход! Стоп машина! Да пошевеливайтесь вы там, чёртовы увальни!! Тинг-А-Линга-Линг! Чау-ау-ау! Эй, ты, там! Прось с моих глаз! Живо, говорю! А ну брысь! Носовой швартов, мать вашу! Отдать швартовы! Да пошустрее же, говорю!! Держаться фарватера! Что ты там потерял? Накинь канат на столб! Задний швартов! Да не мешкай же! Глуши мотор! сэр! Тинг-А-Линга-Линг! Не надо! Отпусти! Не надо! (пробуя калибровочные краны).

Том продолжал белить, не обращая внимания на наехавший на берег пароход. Минуту Бен с удивлением смотрел на Тома, а потом сказал:

– Ты влип, я вижу? Попался, который кусался, не так ли?

Нет ответа. Том окинул свое последнее прикосновение кисти взглядом истинного художника, затем ещё раз осторожно взмахнул кистью, провёл по картине и, как и прежде, придирчиво оглядел результат. Бен встал рядом с ним. У Тома потекли слюнки от желания съесть яблоко, но он продолжал вдохновенно творить. Тут Бен и говорит:

– Привет, старина, работёнку подкинули, подфартило тебе, а?

Том внезапно повернулся, и как будто с трудом отрываясь от любимого дела, рассеянно заметил:

– А, это ты, Бен!?! Я и не заметил тебя!

– Послушай, Том... Я иду... купаться... Да!.. Разве ты не хочешь поплавать? Но, конечно, тебе надо работать, не так ли? Конечно, ты бы хотел поплавать, а?

Том немного поразмыслил над словами малыша и сказал:

– А что вы, сударь, называете работой?

– А это, что, разве это не работа?

Том снова принялся за побелку и, нанося кинжальные удары кистью, небрежно ответил:

– Ну, может, так оно и есть... А может, и нет... Одно скажу, заниматься этим мне нравится!

– Да ладно, я вижу, ты просто не хочешь говорить... что в этом может нравится?

Кисть продолжала прилежно шмякать по забору.

– Нравится? Ну, я не понимаю, почему мне это не должно нравиться!?!.. Разве у обычного мальчика каждый день есть шанс белить забор?..

Это выставляло дело в совсем Новом Свете. Бен от неожиданности перестал грызть яблоко, и у него отвалилась челюсть. Том изящно водил кистью взад и вперёд – отступал назад, чтобы насладиться эффектом, добавлял штрихи там и сям, и снова отступал, чтобы насладиться общим впечатлением. Бен следил за каждым его движением и всё более и более заинтересовывался, всё более и более увлечённый

происходящим. Наконец он сказал:

– Послушай, Том, дай мне немного побелить!

Том задумался, хотел было согласиться, но передумал:

– Нет... нет... к сожалению... я думаю, у тебя вряд ли получится, Бен!.. Ты не обижайся, старина! Видишь ли, тётя Полли ужасно придирчива ко мне... этот забор... он прямо здесь, на улице... ты знаешь сам... если бы это был забор на заднем дворе, я бы не возражал, и она бы в принципе не возражала... да, но тут она ужасно придирчива... забор выходит прямо на улицу... это нужно делать очень-очень аккуратно, работа должна быть филигранной, я думаю, что нет ни одного мальчика из тысячи, может быть, из нескольких тысяч, который мог бы сделать это так, как надо...

– Да? Но неужто это так? Ну, дай-ка я попробую! Одну минутку? Только самую малость! Том, я бы тебе позволил, если бы ты был на моем месте! А, Том?

– Бен, я бы с удовольствием, честное индейское, но тётя Полли... Ну, вот посуди сам, Джим хотел это сделать, но она не позволила ему, Сид хотел, а она и Сиды не подпустила к забору на пушечный выстрел! Разве ты не видишь, в каком положении? Я поручу тебе красить забор и тут что-то случиться? А?

– О, чёрт, Том, я буду аккуратен, как никто! Ну, дай мне попробовать! Один разочек! Скажи «да» – и я дам тебе сердцевинку вот этого яблока!

– Ну, вот... опять... нет, Бен, не надо, я боюсь...

– Я дам тебе всё яблоко!

Том отдал кисть с неохотой на лице, но с ликованием в сердце. И пока покойный пароход «Большая Миссури» работал, пыхтел и потел на Солнце, неподалеку отставной художник сидел на бочке в благодатной тени, болтал ногами, хрустел яблоком и планировал совращение ещё нескольких невинных трудоголиков. Недостатка в человеческом материале не было, время от времени в его паучьи сети попадались мальчишки, они приходили посмеяться, но оставались белить. К тому времени, когда Бен вырубился от усталости, Том обменял страсть Билли Фишера красить на воздушного змея в прекрасном состоянии, а когда и тот выбился из сил, его место занял Джонни Миллер, купивший место у забора за дохлую крысу на длинном шнуре, чтобы удобно вертеть ею, и так далее, и тому подобное, и так далее час за часом. И когда наступил полдень, от того, чтобы было маленьким, бедным, нищим мальчиком утром, к полудню не осталось и следа – перед нами теперь был Том, буквально купавшийся в роскоши и обретшим невиданные богатства. Кроме всего остального, ему теперь принадлежало двенадцать алебастровых шариков, часть арфы, кусок синего бутылочного стекла, чтобы смотреть сквозь него на Солнце, катушка-пушка, ключ, который ничего не отпирал, кусок мела, стеклянная пробка графина, оловянный солдатик, пара живых головастика, шесть печений, жалобный одноглазый котёнок, медная дверная ручка, собачий ошейник (но без собаки), ручка

от ножа, четыре куска апельсиновой корки и ветхий античный оконный переплёт.

Всё это время Том приятно и весело проводил время в хорошей, сильно разросшейся компании соискателей, и о чуде, на заборе было целых три слоя побелки! Если бы у Тома не кончилась побелка, он бы разорил всех мальчишек в городе.

Из всего произошедшего Том сделал вывод, что этот мир в конце концов не так уж и плох. Сам того не ведая, он открыл великий закон человеческого бытия, а именно – для того, чтобы заставить любого делать нужное тебе, желательно сделать это труднодостижимым! Если бы он был рождён таким же великим и мудрым философом, как автор этой книги, то понял бы теперь, что работа – это то, что мы обязаны делать, но не хотим, а игра – то, что мы не обязаны делать, но желаем! И это помогло бы ему понять, почему валять искусственные цветы или вращать жернова на мельнице – это работа, в то время как сбивание кеглей или восхождение на Монблан – это всего лишь развлечение. В Англии есть богатые джентльмены, которые летом бесплатно правят четвёркой лошадей в омнибусе и проделывают по двадцать-тридцать миль в день, на жаре и в холоде, и это только потому, что эта привилегия стоит им немалых денег, но стоит только предложить им плату за эту работу, как они уволятся с такой службы со скандалом.

Мальчик немного поразмышлял над существенной пере-

меной, происшедшей в его мирских обстоятельствах, а затем отправился в штаб – квартиру, чтобы доложить вождю об окончании работы.

## Глава III

Том предстал перед тётей Полли, сидевшей у открытого окна в уютной задней комнате, которая служила одновременно спальней, столовой, столовой и библиотекой.

Благоуханный летний воздух, умиротворяющая тишина, упоительный запах цветов и сонное жужжание пчёл возыме-ли свое действие, и она клевала носом над неоконченным вязаньем, потому что у неё здесь не было никаких собесед-ников, кроме кошки, которая к тому же спала у неё на ко-ленях. Очки она для безопасности водрузила на седую голо-ву. Она думала, что Том, конечно же, давным-давно дезерти-ровал с трудового фронта, и удивилась, увидев, что он сно-ва оказался в её власти и к тому же проявил изумительное бесстрашие, заявившим к ней совершенно безоружным. Том сказал:

- А теперь я могу теперь пойти поиграть, тётя?
- Как! Сколько ты побелил?
- Всё сделано, тетя!
- Том, не лги мне! Я этого не выношу!
- Нет, тетя, всё кончено!

Тётя Полли не очень-то доверяла сомнительным свиде-тельствам. Ей требовались веские доказательства. Потом она решила посмотреть сама и вышла наружу. Она вполне удо-влетворилась бы, если хотя бы двадцать процентов сказанно-

го Томом оказалось правдой. Когда она обнаружила, что вся ограда побелена, и не только побелена, но и искусно покрыта несколькими густыми слоями извёстки, и даже на земле у забора появилась полоска извести, её изумление не знало границ. Придя в себя от неожиданности, она сказала:

– Ну, знаешь ли... я никогда бы не поверила в такое! Ничего не поделаешь, Том, признаю, ты можешь работать, когда захочешь, можешь!

Но затем она решила несколько разбавить комплимент, добавив:

– Но я должна тебе сказать при этом, хочешь ты этого не часто! Ну, иди и играй, но смотри, возвращайся как-нибудь хотя бы через неделю, а не то я тебя выпорю, как сидорову козу!

Она была так потрясена великолепием его достижений, что отвела его в чулан, выбрала там самое отборное яблоко и вручила ему вместе с добавкой в виде назидательной лекции о добавочной ценности и вкусе лакомства, которое достаётся безгрешному трудяге благодаря добродетельным усилиям его рук и ума. И пока она закрывалась со счастливым лицом широким библейским переплётом, он украл аппетитный, поджаристый пончик.

Потом Том выскочил и увидел Сиду, который как раз поднимался по наружной лестнице, ведущей в задние комнаты на втором этаже. Комья земли оказались как нельзя кстати под рукой, и в мгновение ока воздух наполнился ими. Комья

свистели вокруг Сида, как буря с градом; и прежде чем тётя Полли успела собраться с мыслями и прийти на помощь Сиду, шесть или семь комков земли уже удачно угодили в цель, а Том перемахнул через забор и скрылся. Можно было пройти через ворота, но, как правило, для Тома это было слишком сложной задачей, и он никогда ими не пользовался. Теперь, когда он разделался с Сидом и сурово отомстил ему за то, что тот обратил внимание тётки на его чёрную нить и тем втянул его в неприятности, на душе у него было легко и радостно.

Том обогнул всю улицу и свернул в грязную аллею, которая вела к задней части коровника его тётки. Вскоре он благополучно выбрался за пределы досягаемости, избежал плена и наказания и поспешил на городскую площадь, где, согласно предварительной договоренности, встретились армии двух мальчиков, уже готовые к сражению. Том был военачальником одной из этих армий, Джо Харпер (закадычный друг) – генералом другой. Эти два великих полководца не снизошли до того, чтобы сражаться лично, – это больше подходило для более мелкой сошки, – но сидели вместе на возвышении и проводили полевые операции по приказу, переданному через адъютантов. Армия Тома одержала великую победу после долгого, упорного и кровопролитного сражения. Затем подсчитали убитых, обменялись пленными, согласовали условия следующей битвы и назначили день для её проведения, после чего войска выстроились в шеренгу и двинулись

прочь, а Том вернулся домой один.

Проходя мимо дома, где жил Джефф Тэтчер, он увидел в саду новую девушку – прелестное маленькое голубоглазое создание с желтыми волосами, заплетенными в два длинных хвоста, она была в белом летнем платье и расшитых цветастых панталонах. Новоиспеченный герой пал без единого выстрела. Некая Эми Лоуренс мгновенно испарилась из его сердца, не оставив в его воспоминаниях даже следа. Он думал, что любит её до безумия, он считал свою страсть истинной любовью, и а это была всего лишь жалкая мимолетная интрижка. Он уже несколько месяцев завоёвывал ее сердце, она призналась ему всего неделю назад и после этого он был самым счастливым и гордым мальчиком в мире. Это продолжалось всего семь коротких дней, и вот в одно мгновение она ушла из его сердца, как случайный незнакомец, чей визит окончен.

Он поклонялся этому новому Ангелу украдкой, пока не увидел, что она заметила его, тут он притворился, что не замечает её присутствия, и начал «выпендриваться» всеми нелепыми мальчишескими способами, какие знал, чтобы завоевать её восхищение. Какое-то время он продолжал творить нелепые глупости, но тут, в тот самый момент, когда он был выделялся, делая какие-то опасные гимнастические упражнения, он оглянулся и увидел, что маленькая девочка направляется к дому. Том подошел к забору и горестно прислонился к нему, скорбя и всё ещё надеясь, что она еще

хоть на мгновение задержится. Она на секунду остановилась на ступеньке и тут же направилась к двери. Когда она поставила ногу на порог, Том тягостно вздохнул. Но его лицо тут же просияло, потому что за мгновение до того, как исчезнуть, милое видение бросило ему через забор пучок юных анютиных глазок.

Мальчик обежал вокруг и остановился в футе или двух от цветка, а затем прикрыл глаза рукой и стал смотреть вниз по улице, как будто обнаружил там что-то движущееся к нему и очень интересное. Наконец он поднял соломинку, установил её вертикально на носу и стал балансировать ею, запрокинув голову назад; и, пока он двигался из стороны в сторону, он все ближе и ближе подбирался к анютиным глазкам; наконец его босая нога уперлась в них, податливые пальцы сомкнулись на цветке, и он стал прыгать со своим сокровищем на одной ноге и исчез за углом. Но из поля зрения он исчез только на одну минуту – пока пристёгивал цветок на груди под сердцем или, возможно, рядом с желудком, потому что не очень хорошо разбирался в анатомии и, во всяком случае, это было для него не так уж и важно.

Потом он вернулся и болтался у забора до самой темноты, «выпендриваясь», как и прежде. Но девушка больше не показывалась, хотя Том немного утешал себя надеждой, что она прфяталачсь около какого-нибудь окна и знала о его внимании. Наконец он неохотно покинул свой любовный пост и зашагал домой, а его бедная голова при этом разрывалась

от сладких видений.

Во время ужина у него было такое приподнятое настроение, что тётя удивлялась: «что это на ребёнка такое вдруг нашло?»

Он получил хорошую взбучку за то, что сбил Сиду с ног, и, похоже, нисколько не возражал против этой экзекуции. Он пытался стащить сахар прямо у тётки под носом, за что ему настучали по голове костяшками пальцев. Возмущённый, Том сказал:

– Тетя, вы же не бьёте Сиду, когда он ворует сахар!?

– Ну, Сид не мучает честных людей так, как ты! Если бы я не следила за тобой, у меня не было бы никогда и куска сахара!

Наконец она ушла в кухню, и Сид, довольный своей безнаказанностью, потянулся к сахарнице – это была своего рода издёвка над Томом, и вытерпеть её было совершенно невыносимо. Но пальцы Сиды соскользнули, чаша упала и разбилась. Том был в экстазе. В таком экстазе, что он даже решил замкнуть свой язык и молчал, как рыба об лёд. Он сказал себе, что не скажет ни слова, даже когда войдёт его тётка, но будет сидеть совершенно спокойно, пока она не спросит его, кто это сделал, а потом он с болью в душе расскажет об ужасном преступлении Сиды, и в мире не будет ничего лучше, ничего прекрасней, чем увидеть эту любимую его игру «А ну-ка лови его!». Он был так переполнен ликованием, что едва сдержался, когда старая леди вернулась и встала

над обломками, изрыгая из-за очков молнии гнева. Он сказал себе: «Вот оно грядёт!»

И в следующее мгновение он уже лежал на полу! Могучая ладонь была занесена, чтобы ударить снова, когда Том закричал:

– погоди, зачем ты меня лупцуешь? Твою сахарницу разбил Сид!

Тётя Полли растерянно замолкла, а Том ждал её исцеляющей жалости. Но когда она снова обрела дар речи, то только сказала:

– Уп-с! Ну, я думаю, ты получил по заслугам! Ты наверняка совершил что-нибудь или ввязался в какую-то другую дерзкую авантюру, когда меня не было рядом!

Тут совесть уколола её в сердце, и ей захотелось сказать Тому что-нибудь доброе и любящее, но она рассудила, что это будет истолковано как признание в том, что она была права, а дисциплина категорически запрещала такую слабость. Поэтому она замолчала и занялась домашними делами, хотя и с беспокойным сердцем. Том дулся в углу и выпячивал свои горести и беды. Он знал, что в глубине души сейчас его тётя стоит перед ним на коленях, и был угрюмо удовлетворён этим эгоистическим сознанием. Он не подавал никаких сигналов к примирению, и не обращал на сигналы врага никакого внимания. Он знал, что время от времени сквозь пелену слёз на него падал тоскующий взгляд, но не подавал и виду. Он представлял себе, как лежит боль-

ной, а тётя, склонившись над ним, молит его о прощении, но он отвернётся лицом к стене и умрёт, так и не сказав этого слова. Ах, как бы она тогда себя чувствовала?! Какое горе разбило бы её жестокое сердце! И он представил себе, как возвращается домой с реки мертвый, с мокрыми кудрями и успокоенным сердцем. Как она бросается на него, как проливаются её горькие слезы, словно ливень, и как она будет молить Бога, чтобы он вернул ей её сына, и тогда она никогда, никогда больше не оскорбит его! Но он будет лежать там, холодный и бледный, бездыханный до чёртиков и не подавать никаких признаков жизни – бедный маленький страдалец, чьим горестям пришёл безвременный страшный конец. Он так трудился над своими чувствами, так носился с пафосом этих снов, что ему приходилось все время глотать слёзы, он стал задыхаться от них, и глаза его плавали в мутной пелене, предательская влага переливалась через край, когда он моргал, и стекала вниз и капала с кончика носа. И такой роскошью была для него эта нега его святой печали, что он не мог вынести, чтобы какая-нибудь мирская веселость или скрежещущий восторг вторгались в нее, это было слишком свято для такого контакта, слишком кощунственно для такого медового момента.

И вот, когда его кузина Мэри пританцовывая, вся оживленная радостью возвращения домой после многовекового недельного визита в деревню, ворвалась в дом, он, неутешный и мрачный, как туча, встал и двинулся в облаках и тем-

ноте своего горя к одной двери, в то время, как легкомысленная песенка и солнечный свет готовы были ворваться в дру- гую.

Теперь он чурался докучливого человеческого общества и шлялся там, где едва ли можно встретить соседских мальчишек. Пустынные тёмные уголки манили его теперь, печальные и заброшенные, как его сердце. Одинокий бревенчатый плот привлёк его сильнее всего. Он сидел на его краю, озирая унылую акваторию и фантазируя, как хорошо было бы утонуть в одно мгновение, не почувствовав ни боли, ни каких-либо неудобств. Он вспомнил о милом цветке и расстегнув куртку, бережно вынул его. Смятый цветок уже увял, и скорбный вид цветка умножил его сладкую душевную боль. Он тихо спросил себя, испытала бы она жалость к нему, узнай, какая тяжесть лежит на его сердце. Излились ли бы из её глаз слёзы очищения, бросилась бы она на его грудь, обвила ли бы его шею руками, знай, как тяжело ему в это мгновение? Или была бы холодна и отвергла бы его, отстранилась бы, как уходит от него холодный и меркнувший свет? Эта мысль наполнила его такой нежной, такой печальной истомой, что он стал смаковать её и трепать на все лады, пока не истрепал до дыр. Потом он встал и тяжёлыми шагами ушёл в клубящуюся мглу.

Через некоторое время, примерно в половине десятого вечера или около того он оказался в безлюдном переулке, где жила Желанная Незнакомка. Тут он замер и прислушал-

ся – ни звука. Тусклая свеча в окне второго этажа освещала занавеску. Не тут ли обретается свет его Незнакомки. Том неслышно перелез через ограду, неслышно пробрался сквозь заросли и, подняв голову, замер под окном. Долго, ох, как долго взирал он на любимое окно, потом лёг на землю и так лежал, лелея в руках умирающий от любви увядший, бледный цветок. Вот так надо умереть влюблённому – брошенным, покинутым и забытым всеми этими холодными, равнодушными сердцами, открытым выюгам и свирепому ветру, под дождём и градом...

И так он и умрёт – в холодном мире, с клубящейся пустотой над бездомной головой, без дружеской руки поодаль, без длани, которая стряхнула бы с его лба смертельный пот, без любящего лица, которое бы с сожалением склонилось над ним, когда придёт его последний час. И таким она увидит его, когда, раскроет окно, дабы зреть радостный лик утренней зари, и о..! Уронит ли она хоть одну слезинку на это бедное, безжизненное тело, вздохнёт ли она хоть одним глазком, чтобы увидеть яркую молодую жизнь, так грубо загубленную, так несвоевременно срубленную жестокой судьбой? Наступит радостное утро, и она увидит его бездыханный труп. Но ах! – проронит ли она хоть одну слезинку над его телом, вздохнёт ли хоть один раз о том, что так безвременно погибла молодая жизнь, подкошенная во цвете лет жестокой рукой Провидения? Окно поднялось, скрежещущий голос служанки осквернил священное безмолвие, и поток помоев

обрушился на останки увядающего, распротёртого на земле мученика! Герой-любовник истошно закричал и вскочил, отфыркиваясь. В воздухе раздался свист ракеты, смешанный с глухими проклятиями, потом прозвучал звук бьющегося стекла, и маленькая, мутная фигурка перемахнула через ограду и растаяла во мраке. Вскоре после того, как Том, раздеваясь перед сном, перебирал при свете сальной свечи промокшую одежду, проснулся Сид – если у него и была какая-то смутная мысль обвинить брата в недавних оскорблениях и обидах, он, немного поразмышляв об этом, промолчал, и правильно сделал, потому что в глазах Тома играли молнии и таилась смертельная угроза.

Том, особенно не утрудив себя излишней сон грядущной молитвой, лёг спать и Сид тут же обратил внимание на это упущение.

## Глава IV

Солнце вошло над безмятежным миром, благословляя городок своими лучами. После завтрака тётя Полли совершила традиционное семейное богослужение: оно началось с молитвы, возведённой на скальном основании обкатанных и историей валунов и басен из Священных Писаний, а также всяких цитат и преданий, скреплённых вместе с тонким раствором собственных домыслов и сплетен; и с вершины этого совершенного строения, как Моисей с вершины Синая, возвестила очередную мрачную главу Моисеева Закона.

Тогда Том так сказать, препоясал свои чресла, и принялся зубрить нечеловеческие библейские вирши, чтобы зубрить урок, Сид давно уже восседал на вершине исторической наук, ибо выучил свой урок за несколько дней до этого. Том напрог все свои умственные силы, чтобы запомнить пять стихов из Нагорной проповеди, потому что короче стишков там не нашлось. По прошествии получаса зубрёжки Том имел более чем смутное общее представление о Нагорной проповеди, не более того, ибо его ум в это время бороздил все иные поля человеческой мысли, а руки были заняты всеми отвлекающими развлечениями мира. Мэри взяла его книгу, чтобы послушать, как он читает, и он попытался найти дорогу, продираясь сквозь адский библейский туман:

– Блаженны те – а-а-а...

– Бе...

– Бедные...

– Нищие...

– Да, нищие-е, э-э...

– Да, нищие, блаженны бе-е-е-е-дные-а-а-а...

– И...

– И...

– Ибо...

– Ибо они...

– Ибо уте...

– Ибо утя!

– В духе...

– Э-э... Ибо... В духе!

– Блаженны нищие духом, ибо они...

– Блаженны нищие духом, ибо они... они...

– Их...

– Их! Эх! Блаженны нищие духом, ибо их... есть Царство

Небесное... Блаженны скорбящие, ибо они...

– Блаженны скорбящие, ибо они... их...

– Ш-ш! Уте...

– Ибо они... утя!

– Ибо они уте! Ша!

– Потому что они утяша! Чёрт подери, я не знаю, что это такое! Что это зза гадость такая! Кто такое придумал?

– Надо знать! Обязательно! Утеша...

– О, обязательно! Ибо они будут утеша... ибо они будут...

Утя!... э-э-э, блаженны плачущие ибо их... э-э, блаженны, блаженные те, которые будут... ибо они... которые... они будут... плачущие... они будут что? Блаженны блаженные, ибо блаженны вдвойне! Мэри! Как тебе не стыдно? Почему бы тебе не сказать мне, Мэри, что они делают там? С каких пор ты стала такой подлюкой?

– Ох, Том, истинно тебе говорю, бедняжка ты тупорылая, я вовсе не дразню тебя! Я на такое не способна! Ты должен пойти и выучить всё, как следует! Вот и всё! Не расстраивайся, Том, ты справишься, и если ты это сумеешь одолеть, я подарю тебе что-нибудь очень хорошее! Ну вот, будь хорошим мальчуганом!

– Ну ладно! Но, Мэри, не таи, скажи мне, что это такое!

– Не обращай внимания, Том! Это всё выеденного яйца не стоит! Ты знаешь, что если я говорю, что это хорошо, это уж точно хорошо!

– Держу пари, что это так, Мэри! Хорошо, я займусь этим снова!

И он действительно «взялся за это снова» – и под двойным давлением любопытства и предполагаемой выгоды он сделал это с таким воодушевлением, что сразу добился выдающегося, блестящего успеха. Мэри подарила ему новенький нож «Барлоу» стоимостью двенадцать с половиной центов, и судорога восторга, охватившая его организм, потрясла его до основания. Правда, нож при всём желании ничего бы не порезал, потому что был тупой, как пробка, но это

был «достаточно надёжный», «Всамделишный» Нож Барлоу, и в этом факте было непостижимое очарование – хотя откуда у западных мальчиков вообще появилась фантастическая идея, что такое дешёвое оружие можно подделать, дабы ухудшить и без того скверное – это великая тайна и, возможно, она навсегда останется таковой. Как Том сумел изрезать этим тупорылы ножичком тёткин буфет, когда ухитрился приняться за бюро – тоже великие тайны, и мы знаем только то, что в это мгновение его вызвали переодеваться в парадный сюртук для похода в воскресную школу.

Мэри дала ему жестяной тазик с водой и кусок мыла, он вышел за дверь и поставил тазик на маленькую скамеечку, затем окунул мыло в воду и тут же стремительно положил его обратно, в потом, засучив рукава, осторожно вылил воду на землю, а затем, фыркая, вошёл в кухню и начал старательно вытирать лицо полотенцем за дверью. Но Мэри отняла у него полотенце и сказала:

– И как тебе не стыдно, Том? Прекрати свои мерзкие шуточки! Вода тебе не повредит!

Том был слегка смущён. Таз снова сам собой наполнился водой, и на этот раз Том немного скорбно постоял над ним, как над покойником, сбираясь с духом, затем глубоко вдохнул и принялся умываться. Когда он снова вошёл на кухню, закрыв глаза и нащупывая руками полотенце, на этот раз с его лица капала обильная пена и стекала вода. Но когда он отнял от лица полотенце, то результата его умывания от-

крылся во всей его красе, потому что чистая территория заканчивалась прямо у его подбородка и шла вдоль челюсти, и была, как маска, а ниже и выше за этой чертой простиралось обильное поле девственной античной грязи, спереди залезавшее на лоб и сзади покрывавшее всю шею. Мэри крепко взяла его за руку, и когда она закончила с ним, он прекратился в настоящего мужчину и брата, стал стопроцентным бледнолицым, и его влажные волосы были аккуратно расчесаны, а короткие изящные завитки завершали общее прекрасное впечатление. (Он с трудом стал усиленно приглаживать локоны и пытался плотно приладить волосы к голове, ибо он считал свои кудри «женственными», и они наполняли его жизнь неискоренимой горечью). Затем Мэри достала из гардероба костюм, который использовался только по воскресеньям в течение двух лет – он назывался просто «тот, другой» – и поэтому мы сейчас поймали прекрасное представление о богатстве его гардероба. После того, как он хаеончил одевание, девушка одёрнула его костюм, застегнула его аккуратно на все пуговицы до подбородка, выпростала широкий воротник рубашки на плечи, отряхнула его и увенчала его сократовский лоб крапчатой соломенной шляпой. Теперь он выглядел значительно лучше снаружи, зато внутри ему было страшно неудобно. Он чувствовал себя неудобно, и выглядел неуверенно, потому что в чистой одежде и чистоте таилось стеснение, которое раздражало его. Он надеялся, что Мэри забудет его башмаки, но надежда была обманута – она

тщательно смазала их жиром, как это было принято, и вынесла на улицу. Он вышел из себя и сказал, что его всегда заставляют делать всё, что он не хочет делать. Но Мэри сказала убедительно:

– Пожалуйста, Том, будь пайнкой!

Поэтому он с рычанием влез в ботинки. Мэри скоро была готова, и трое детей отправились в воскресную школу – место, которое Том ненавидел всем сердцем, но зато Сид и Мэри любили всей душой.

Субботняя школа начиналась с девяти и продолжалась до половины одиннадцатого, а затем начиналась церковная служба. Двое из детей всегда оставались на проповедь добровольно, и третий тоже всегда оставался – по более веским причинам.

Церковные скамьи с высокими спинками и без скамеек вмещали около трехсот человек; здание было крошечным, уродливым сараем, с чем-то вроде соснового деревянного ящика наверху вместо шпиля. В дверях Том отступил на шаг и обратился к одетому по воскресному товарищу:

– Слушай, Билли, у тебя есть билет на Йоллер?

– Так точно!

– Что хочешь за него?

– А что дашь?

– Кусок лакрицы и рыболовный крючок!

– А ну покажи!

Том продемонстрировал. Вещь была в полном порядке,

и собственность мгновенно перекочевала из рук в руки. Затем Том обменял пару белых алебастровых шариков на три красных билета, а какую-то мелочь – на пару синих. Он караулили на подходе других мальчиков, и продолжал выкупать разноцветные билеты еще минут десять-пятнадцать. Потом он вошёл в церковь с толпой чистых и шумных мальчиков и девочек, проследовал к своему месту и тут же затеял ссору с первым попавшимся мальчиком. Вмешался учитель, солидный пожилой человек; потом Том дёрнул за волосы мальчика на соседней скамье, который на мгновение повернулся к нему спиной, и Том сделал вид, что поглощен своей книгой, когда мальчик обернулся, потом воткнул булавку в другого мальчика, чтобы услышать, как он скажет: «Ой!» и получил новый выговор от учителя. Весь класс Тома был под стать ему – беспокойный, шумный, безбашенный. Когда они приходили читать свои уроки, ни один из них не знал этих дурацких стихов как надо, и учителю приходилось всё время подсказывать их. Тем не менее, они прорвались, и каждый получил свою награду – в виде маленьких синих билетов, каждый с отрывком из Священного Писания на нем; каждый синий билет был платой за два стиха декламации. Десять синих билетов равнялись одному красному и могли быть обменены на него, десять красных билетов равнялись одному желтому; за десять жёлтых билетов суперинтендант давал ученику Библию в очень простом переплёте (стоившую в те легкие времена сорок центов). Интересно, у сколь-

ких моих читателей хватило бы ума и сил выучить наизусть две тысячи стихов для того, чтобы обзавестись даже Библией Доре? И всё же Мэри таким образом приобрела две Библии – это была кропотливая работа двух лет жизни. А немецкий мальчик-лютеранин выиграл даже четыре или пять библий. Однажды он отбарабанил за один присест целых три тысячи стихов, не останавливаясь ни на мгновение, но напряжение его умственных способностей при этом оказалось слишком велико и с того дня он превратился в полного идиота – печальное событие для школы, потому что в торжественных случаях директор школы всегда запускал этого мальчика «трепать помелом» (как выразился Том).

Только старшим ученикам удавалось сберечь свои билеты и продержаться в этой тягомотине достаточно долго, чтобы в конце концов заполучить Библию, и поэтому вручение призов было редким и примечательным событием; успешный ученик был настолько велик и заметен в тот день, что сердце каждого нового ученика тут же воспламенялось завистью и пылким честолюбием, которое часто длилось неделями. Вполне возможно, что умственный желудок Тома никогда по-настоящему не жаждал ни одного из этих призов, но, несомненно, всё его существо в течение многих дней жаждало славы и почёта, которые приходили вместе с призами.

Через некоторое время директор школы появился перед кафедрой с закрытым сборником гимнов в руке и указательным пальцем, просунутым между страницами, и приказал

всем собраться и прослушать его с особым вниманием. Когда директор воскресной школы произносит свою обычную короткую напутственную речь, книга гимнов в руке так же необходима, как неизбежный нотный стан в руке певца, который выступает на сцене и поёт соло на концерте – хотя почему это так, остается загадкой, ибо ни в книгу гимнов, ни в нотный лист эти страдалцы никогда не заглядывают. Этот директор был преплюгавейшим типом лет тридцати пяти, с козлиной бородкой песочного оттенка и короткой белёсой шевелюрой, в добавок к этому он носил жёсткий стоячий воротничок, верхний край которого доходил почти до ушей, а острые кончики загибались впереди в углах рта – забор, заставлявший его смотреть только прямо перед собой и поворачиваться всем телом, когда требовалось повернуть голову. Его подбородок был подпёрт широким и длинным, как банкнота, галстуком с бахромой на концах, носки его сапог были резко подняты вверх, как полозья у саней, – эффект, производимый до фанатизма трудолюбивыми молодыми людьми, готовыми часами сидеть, прижав пальцы ног к стене. Намренья мистера Уолтерса были чрезвычайно серьёзны, а сам он непредставимо искренен и честен в душе, ведь он с таким благоговением относился к ко всяким святыням, книгам и намоленным до дыр местам и так отделял их от низких мирских сфер, что невольно для него самого его воскресный голос в нужных местах приобретал особую интонацию, совершенно непредставимую в будние дни. Он начал свою

незабываемую речь так:

– А теперь, возлюбленные детки, я хочу, чтобы вы все сели так прямо и красиво, как только сможете, и уделите мне всё своё внимание на минуту или две. Так будет лучше! Именно так должны поступать хорошие маленькие мальчики и примерные юные девочки. Вот я вижу крошечную девочку, которая смотрит в окно – боюсь, она думает, что я обретаюсь где-то там, наверху, порхаю с ветки на ветку на одном из этих деревьев, и вот я сижу на ветке, как птичка и чирикаю что-то воробьям. (Одобрительное мерзкое хихиканье) Я хочу жолжить вам, дети, как мне приятно видеть столько ярких, чистых, юных лиц, собранных в таком месте, как это, учащихся поступать правильно и быть хорошими!..

И так далее, и тому подобное! Нет необходимости записывать остальную часть этой речи. Это был канонический образец бреда, который не меняется веками, и поэтому до боли знаком всем нам.

Последняя треть речи была омрачена возобновлением драк и других буйных проявлений молодости, последствием развлечений, чрезвычайно распространённых среди некоторых скверных мальчиков, а также ёрзаньем и шепотками, которые распространялись всё шире, омывая даже основания таких изолированных и неподкупных островков кротости и благочестия, как Сид и Мэри. Но теперь все звуки внезапно смолкли, как и голос мистера Уолтерса, а конец речи был встречен взрывом молчаливой благодарности.

Большая часть перешептываний была вызвана событием, которое было более или менее редким – появлением новых лиц: адвоката Тэтчера в сопровождении какого-то тухлявого старца. За ним шествовал прекрасный, дородный седовласый джентльмен средних лет в сопровождении почтенной дамы, которая, несомненно, была женой последнего. Дама вела за собой маленькую девочку. Том был неугомонен, его терзали угрызения совести, он не мог встретиться взглядом с Эми Лоуренс, не мог выдержать её пристального любящего взгляда. Но когда он увидел эту маленькую пришлицу из Рая, настоящую принцессу, его душа мгновенно озарилась неземным блаженством. В следующее мгновение он уже вовсю выпендривался – давал соседям затрещины, дёргал их за волосы, щипал всех окружающих, корчил рожи – словом, использовал все те безотказные приёмы, которые могли с полпинка очаровать хорошо воспитанную девушку и вызвать её аплодисменты. У его экзальтации был только один теневой момент – воспоминание о его унижениях в саду этого ангела, но эта грустная запись на песке быстро смывалась растущими волнами счастья, которые захлестывали его всё выше и выше, пока не поглотили совсем.

Гостям было предоставлены самые почётные места, и как только мистер Уолтерс закончил свою речь, он сразу же представил гостей жаждавшей новых сенсаций школе. Мужчина средних лет оказался поразительной личностью – он был явно большой шишкой, не меньше, в сущности, чем

окружной судья, в общем, самым величественным созданием из числа тех, которых когда-либо лицезрели эти дети, и они удивлялись и вопрошали друг друга, из какого материала он сделан, и с одной стороны хотели услышать его звериный рёв, а с другой боялись оглохнуть. Он был из Константинополя, городка в двенадцати милях отсюда – следовательно, путешествовал и видел мир, и тому же эти самые глаза ежедневно озирали здание окружного суда, которое, по слухам, имело жестяную крышу. О благоговейном трепете, который внушали эти размышления, свидетельствовала внушительная тишина и ряды пристально вперившихся в него глаз. Это был великий окружной судья Тэтчер, брат их собственного адвоката. Джефф Тэтчер сразу же полез вперёд, в первые ряды, чтобы показать своё шапочное знакомство с великим человеком, на зависть остальных учеников. Услышать такой шёпот – была ли в мире музыка слаще:

– Смотри на него, Джим! Он собирается туда подняться! Да не отвлекайся! Скажи-ка! Смотри! Он собирается пожать ему руку! Он пожимает ему руку! Видишь? Ты бы хотел очутиться на месте Джеффа?

Мистер Уолтерс тоже начал «выкаблучиваться», удвоив своё усердие и суету вокруг всяких официозных мероприятий, направо и налево раскидывая приказы, вынося поспешные суждения, отдавая распоряжения здесь и там, везде, где мог найти даже микроскопическую цель для проявления своего могущества. Библиотекарь также выкобенивал-

ся по полной – бегал туда-сюда с полными книг подмышками и везде устраивал шум и гам, какими наслаждаются получившие на мгновение власть мелкие насекомые. Учительницы-барышни выпендривались тоже – с фальшивым интересом мило склоняясь над учениками, которых лупили пять минут назад указками по башке, поднимали хорошенькие предупреждающие пальчики и хмурили бровки на плохих мальчиков, любовно похлопывая по крупам хороших. Молодые джентльмены-учителя выделялись короткими ругательствами, командами, замечаниями, выговорами и другими проявлениями мелочного авторитаризма, показывая тонкое понимание дисциплины. Большинство учителей обоего пола вдруг словно прикипели к библиотеке позади кафедры, и то и дело подбегали к полкам с умным видом и копались в книжных развалах, словно разыскивая там божественные откровения, без которых им просто не жить, и это был трюк, который им приходилось повторять по два-три раза (с большой озадаченностью во взоре). Маленькие девочки выкозюливались по-своему, а маленькие мальчики шкодили с таким усердием, что воздух был наполнен сомнительными звуками и комками пролетающих в разных направлениях промокашек. Послышался шум драки. А над всем этим возвышался великий гуру, сияя величественной судейской улыбкой, расцветая над всеми, как майская роза, греясь на Солнце собственного величия – ибо он тоже выпендривался как мог.

Была одна штуковина, без которой экстаз мистера Уолтерса не мог быть полным – это была возможность вручить в качестве приза какому-нибудь счастливцу Библию, дабы продемонстрировать всем чудо божественного Воздаяния и Справедливости. У многих учеников оказалось только по несколько жёлтых билетов, чего явно не хватало на оплату Библии, и он уже знал это, опросив загодя всех звёздных учеников. Сейчас он отдал бы всё на свете, лишь бы тот немецкий парень вернулся из психушки в школу в здравом уме и памяти.

И вот теперь, когда эта квёлая надежда окончательно умерла, Том Сойер вышел вперёд с девятью жёлтыми билетами, девятью красными и десятью синими, и тут же потребовал Библию.

Это был гром среди ясного неба!

Уолтерс никак не ожидал, что из этого мёртвого источника в ближайшее тысячелетие может поступить подобная заявка. Но обойти претензию на величие было совершенно невозможно – вот заверенные чеки, и плата по ним должна быть произведена незамедлительно. Поэтому Том был водружён на место перед судьёй и другими приглашёнными богоизбранниками, и из их штаба была возвещена на весь мир очередная благая весть. Это был самый ошеломляющий сюрприз последнего десятилетия, и впечатление от него было настолько испепеляющим, что оно подняло нового героя где-то на высоту местного судьи, а школа обзавелась сра-

зу двумя чудесами вместо одного. Все мальчики были снедаемы дикой завистью, но самые горшие муки испытывали те, кто слишком поздно осознал, что они сами, по собственной воле и глупости, так легкомысленно сбывая билетики направо и налево, на свою голову сварганили это ненавистное великолепие, вознесли злодея к небесам, обменяли билеты на неземное богатство, которое он накопил, продавая подряды на побелку забора. Они презирали себя, считая себя лохами, обманутыми хитрым, подлым мошенником, коварной подкольной ядовитой змеёй, затаившейся на их гибель в густой придорожной траве.

Премия была вручена Тому с такими пышными словесными излияниями, на какие директор школы был способен и какие только мог извергнуть из себя в подобных обстоятельствах, но в них не было и намёка на истинное восхищение, ибо инстинкт подсказывал бедняге, что здесь кроется какая-то подпольная заковыка, тайна, которая, возможно, не выдержит яркого дневного света – было просто нелепо, непредставимо, дико, что этот мальчик хранил в своих микроскопических мозговых извилинах две тысячи снопов бесценной библейской мудрости – даже их дюжина, без сомнения, напрягла бы его интеллектуальные способности до предела.

Эми Лоуренс была безмерно горда и счастлива, она пыталась заставить Тома увидеть это на своём лице, но он не смотрел на неё. Она задумалась, скоро её охватило лег-

кое беспокойство, затем смутное подозрение превратилось в осознание, оно пришло и ушло – потом пришло снова; она стала присматриваться пристальней, и это открыло ей всё – и тогда её сердце разбилось на куски, и она ревновала, и злилась, и слёзы наворачивались на её прекрасные очи, и она ненавидела всех и вся. И Тома больше всех! (Так по крайней мере думала она сама).

Том был представлен судье, но язык у него заплетался, дыхание сбивалось, сердце скакало – отчасти из-за ужасного величия этого человека, но главным образом потому, что он был Её отцом. Ему хотелось упасть ему в ноги, и он несомненно сделал бы это, будь он к кромешной темноте. Судья возложил Тому на голову руку, назвал его славным мальчиком и спросил, как его зовут. Мальчик запнулся, задохнулся и выпалил:

– Том!

– О, нет, не Том – это...

– Томас!

– Ах, вот оно что! Я думал, что ваше имя не такое короткое! Это очень хорошо! Но у вас есть ещё и фамилия, и я полагаю, что вы мне её озвучите, не так ли?

– Назовите джентльмену вашу фамилию, Томас, – сказал Уолтерс, – и скажите «сэр». Вы не должны забывать о хороших манерах!

– Томас Сойер, сэр!

Давайте милосердно опустим занавес над остальной ча-

стью этой потрясающей сцены.

## ГЛАВА V

Около половины одиннадцатого зазвонил треснувший колокол маленькой церкви, и вскоре народ начал стекаться на утреннюю проповедь. Ученики воскресной школы рассредоточились по помещению и заняли скамьи вместе с родителями, чтобы быть под их присмотром. Пришла тётя Полли, и Том, Сид и Мэри сели рядом с ней. Тома поместили рядом с проходом, чтобы он был как можно дальше от открытого окна и соблазнительных летних пейзажей за окном. Толпа потянулась по проходам: пожилой, кровобокий почтмейстер, выдавший, похоже, лучшие дни, мэр и его жена (ибо в этом городишке среди прочих ненужных вещей, был свой мэр) мировой судья, вдова Дуглас, красивая, умная и сорокалетняя, щедрая, добросердечная и состоятельная, (её особняк на холме был единственным дворцом в городе, самым гостеприимным, хлебосольным и самым щедрым в отношении празднеств, которыми мог похвастаться Санкт-Петербург) согбенный и почтенный Майор и миссис Уорд, также был адвокат Риверсон, новая знатная шишка, прибывшая издалека, затем первая красавица деревни, сопровождаемая роем одетых в газоны и ленты людей – это были приодетые в шелка молодые записные сердцееды, затем шли все молодые клерки города в полном составе, они толпились в вестибюле, посасывая свои тростниковые трости, окруженные

стеной смазанных маслом и жеманных поклонниц, ждущих, пока последняя девушка не пробежит мимо них по галерее, и последним шёл образцовый мальчик, Вилли Мафферсон, пекущийся о своей матери так же заботливо, как если бы она была хрустальной. Он всегда приводил свою мать в церковь и был гордостью всех записных матрон. Все мальчишки ненавидели его, так он был хорош. И кроме того, им слишком часто тыкали в нос, как примером благовоспитанности. Его белый носовой платок всегда на милую торчал из кармана сзади, по будням и воскресеньям – и всегда как бы случайно. У Тома не было носового платка, а на мальчиков с платками он смотрел как на мерзких снобов.

Собравшиеся уже были в полном сборе, когда колокол звякнул ещё раз, предупреждая отставших и опаздывающих, а затем в церкви воцарилась торжественная тишина, нарушаемая только хихиканьем и перешептыванием хора на галерке. Хор хихикал и шептался на протяжении всей службы. Когда-то тут был настоящий церковный хор, который был вышколен, как надо, но теперь я забыл, куда он делся. Это было очень много лет назад, и я почти ничего не помню об этом, но я думаю, что это было в какой-то другой стране.

Священник выдал имя гимна и прочел его с глубоким наслаждением, в особом стиле, которым всегда восхищались в этой части страны. Его голос начинался в средней тональности и неуклонно лез вверх, пока не достигал высшей точки, где он с сильным ударением произносил самое ключевое

слово, а затем нырнул вниз, как прыгун с трамплина:

Ужель цветком на небесах я буду  
Вдруг вознесён,  
Когда мой ближний плыть по морю крови  
Стал обречён!!!

Его считали великолепным чтецом. В церковных «светских беседах» его всегда призывали читать стихи, а когда он заканчивал, дамы поднимали руки и беспомощно опускали их на колени, «закрывали глаза» и качали головами, как бы говоря: «словам не выразить этого – это слишком прекрасно, слишком возвышенно для этой брэнной, ничтожной земли!»

После того как гимн был спет, преподобный мистер Спрэгью превратился в живую доску объявлений и долго нудным замогильным голосом зачитывал «объявления» об очередных собраниях, заседаниях обществ и тому подобной ерунде, пока не начинало казаться, что этот список растянется до конца света – странный обычай, который до сих пор сохраняется в Америке, даже в городах. (И это в век изобилия газет!) Часто, чем меньше существует оправданий какому-нибудь липкому, как банный лист, обычаю, тем труднее от него избавиться.

А теперь священник молился. Это была добрая, великодушная молитва, и она вдавалась во все мельчайшие подробности мира и припоминала всех подряд: она молила о величии церкви и не забывала маленьких детей Церкви; напоми-

нала о других церквях, глаголила о самой деревне; твердила о графстве, долдонила о государстве, говорила о бесчисленных рядах государственных чиновников и наконец возвещала о самих Соединенных Штатах, но не останавливалась на этом – припоминала о всех церквях Соединенных Штатов, вспоминала о Конгрессе, гремела о президенте, об офицерах правительства, о бедных матросах, забытых в штормовом море, о миллионах угнетённых рабов, стонущих под пятой деспотий и о зверстве тёмных восточных тиранов, ибо те, которые имеют свет и благовую весть, но не имеют ни глаз, чтобы видеть, ни ушей, чтобы слышать – грешны и преступны вместе с ними, ибо язычники на дальних островах морских, и эта крутая молитва завершалась мольбой, чтобы слова, которые он собирался произнести, нашли благодатную почву в умах слушателей и были благословением для всех и были плодотворны, как семя, брошенное в благодатную почву, дав со временем обильный урожай добра и радости. Да будет так! Аминь!

Послышалось шуршание платьев, и стоящая, будто проглотившая швабру, паства села. Мальчик, о котором повествует эта книга, не получал ровным счётом никакого удовольствия и радости от этой всеобъемлющей молитвы, он только, скрепясь сердцем и зубами, нужно признаться, героически терпел её, пока были на это силы. Всё это время он был как на иголках. Смысл молитвы благополучно пролетал мимо его ушей, и он только подсознательно следил

за подробностями молитвы, потому что не слушал и только фиксировал очередные тезисы и постулаты по их номерам, хотя старый, истоптанный маршрут священника был известен ему наизусть и, когда какая-нибудь мелочь добавлялась к до боли знакомому повествованию, ухо его сразу улавливало подставу, и тогда вся его натура возмущалась – он считал эту преступную добавку, хоть на секунду удлинявшую эту мучительную, иезуитскую пытку, несправедливой и подлой. В разгар молитвы муха уселась на спинку скамьи прямо перед ним и своим наглым видом смутила его душу, спокойно потирая лапки, обнимая голову и полируя её так энергично, что она, казалось, почти расставалась с телом, и тонкая нить шеи открывалась взору. Она суетилась, скребя крылья задними лапками и нежно приглаживая их к телу, как будто это были не крылья, а фалды фрака, она занималась своим туалетом так спокойно, будто знала, что сейчас это совершенно безопасно. Как оно и было на самом деле – как ни зудели руки Тома, требуя схватить муху, они не осмеливались вмешаться – Том был уверен, что его душа будет мгновенно уничтожена, если он свершит это во время молитвы. Но с заключительной фразой молитвы его рука сама собой начала изгибаться и медленно подкрадываться в мухе, и в то мгновение, когда торжественное «Аминь» вырвалось изо рта священника наружу, муха уже была военнопленной. Тётя вовремя заметила конец маневров Тома и завершающий операцию рейд, и заставила его досрочно освободить заключённую.

Священник продолжил выдавать на гора свои откровения, и монотонно бубнил, приводя аргументы, которые были настолько прозаичны, что многие головы постепенно начали кивать долу, невзирая на то, что как раз в это время речь шла о бушующем море адского огня и плещущейся и кипящей сере, а число избранных, которым было уготовано неземное счастье пребывать в раю, измерялось таким мизерным количеством голов, что их едва ли стоило спасать! Том пересчитал страницы проповеди. После церкви он всегда знал, сколько там было страниц, но редко знал о проповеди что-нибудь ещё. Однако на сей раз кое-что заинтересовало его. Служитель нарисовал грандиозную и трогательную картину того, как собираются вместе воинства мира в тысячелетнем царстве, когда Лев и Ягнёнок должны возлечь вместе и маленький ребёнок обязан вести их с пальмовой веткой в руке. Но пафос, урок, мораль этого великого шоу были потеряны для мальчика – он думал только о том, насколько заметен главный герой перед взирающими на него народами. При этой мысли его лицо озарилось этой мыслью, и он сказал себе, что хотел бы быть этим ребёнком только в том случае, если бы этот лев был ручной или дрессированный.

Теперь, когда зелёные пажити Египта, где можно было охотиться на мух, были позади, и перед ним возобновилась испепеляющая сушь словесной Синайской пустыни, он снова впал в ступор. Наконец он вспомнил о своём сокровище и вытащил его. Это был большой чёрный жук с огром-

ными челюстями – он называл его «щипач-скрипач-кусак». До этого он лежал в коробке из-под капсулей. Первое, что сделал Жук, почувяв свободу, так это укусил Тома за палец. Последовал глухой щелчок, и Жук, барахтаясь, вылетел в проход и теперь барахтался на спине прямо посреди прохода, в то время, как раненый палец исцелялся во рту у мальчика. Жук лежал, барахтаясь и перебирая беспомощно лапками, не в силах перевернуться. Том смотрел на него немигающим тоскливым взором, но, увы, жук был вне его досягаемости. Соседи Тома по церковной скамье, тоже не слишком обременённые проповедью, тоже нашли в жуке какую-то забаву, и тоже посматривали на него, посмеиваясь. Вскоре появился старый бродячий пудель, меланхоличный и ленивый от летнего зноя и тишины, утомлённый сиденьем взаперти и отчаянно жаждущий перемен и новых впечатлений. В то же мгновение, когда он внезапно заметил жука, его поникший было хвост поднялся трубой и завилял. Пёс оглядел добычу, обошёл её кругом, понюхал с безопасного расстояния, снова обошёл, наклонил голову, осмелел и понюхал с ближней дистанции, потом приподнял губу, раскрыл пасть и попытался осторожно схватить добычу, но промазал, отряхнулся, сделал ещё одну попытку, и ещё, и ещё, наслаждаясь этой весёлой забавой, потом улёгся на живот, зажав жука между лапами, и так продолжал свои опыты, пока не уморился. Тут он замер, равнодушный и разочарованный. Голова его кивнула, и мало-помалу борода его стала клевать, потом потихоньку

опустилась вниз и наконец коснулась врага, который тут же воспользовался благоприятным моментом и впился клешнями в пса. Раздался жуткий визг, пудель дико мотнул головой, и жук отлетел и упал в нескольких ярдах от него, и снова на спину. Зрители с соседних мест затряслись от нежной внутренней радости, несколько лиц скрылись за веерами и носовыми платками. Том был на вершине счастья. Пёс выглядел глупо и, вероятно, чувствовал себя так же, но в его сердце уже оживала обида и множилась жажда мести. Поэтому он, крадучись, подкрался к жуку и начал снова осторожно атаковать его, прыгая на жука со всех сторон по кругу, перебирая передними лапами в дюйме от коварной живности, делая всё более настырные попытки схватить его зубами и дергая головой, пока его уши не стали хлопать его по голове. Но через некоторое время он снова умирился, попытался развлечься мухой, но не вдохновился ею, погнался за муравьём, уткнувшись носом в пол, и быстро потерял к мелкому зверю всякий интерес, зевнул, грустно вздохнул, совсем забыл про жука и уселся на него. Раздался ещё более дикий вопль, таким бывает только вопль последних минут агонии, и тут пудель истошно помчался по проходу. Вопли его множились, становились громче и пёс с бешеной скоростью метался по церкви, воя и тявкая, только перед алтарём он остановился на мгновение, и заметался, завертелся, как колесо и полетел по другому проходу, метнулся к дверям, бросился назад по проходу, вышел на финишную прямую, его му-

ки множились с каждым шагом, пока наконец он не превратился в мохнатую комету, мечущуюся по круговой орбите с блеском и скоростью света. Наконец обезумевший страдалец свернул с курса и прыгнул на колени к своему хозяину, тот выбросил его в окно, и голос отчаяния и боли постепенно затих вдали.

## Глава VI

Утром в понедельник, Том почувствовал себя чрезвычайно несчастным. Утро понедельника всегда находило его таким – потому что начиналась очередная неделя медленных пыток в школе. Обычно он начинал этот день с того, что жалел, что у него был выходной день – воскресенье, потому что краткость его делало возвращение в темницу к школьным оковам делом ещё более отвратительным.

Том лежал и думал. Вскоре ему пришло в голову, что лучше бы он заболел; тогда он мог бы остаться дома и не ходить в школу. Здесь была смутная, едва забрежившая возможность. Он проинспектировал свой организм. Никакого недомогания обнаружено не было, и он снова дотошно провёл повторное расследование. На этот раз ему показалось, что он способен при определённом напряжении фантазии и воли обнаружить симптомы колик, и он начал поощрять их с большой надеждой. Но вскоре колики ослабели и вскорости совсем исчезли. Он продолжил размышлять дальше. Внезапно было обнаружено кое-что более ценное. Один из его верхних передних зубов был выбит и шатался. Это была несомненная удача – он уже готов был застонать «для разогрева», как он это называл, когда ему пришло в голову, что если он придет в суд с этим аргументом, его тётя мгновенно выдернет зуб, и это будет ох как больно. Поэтому он решил, что пока будет

держат шатающийся зуб в запасе и стал искать дальше. Какое-то время ничего не могло подвернуться под руку, а потом он вспомнил, как доктор рассказывал об одной вещи, которая на две-три недели уложила одного пациента в постель и чуть не лишила его пальца. Поэтому мальчик нетерпеливо вытащил из-под простыни свой больной палец и воздел его к небу для критического осмотра. Но, к сожалению, пока что приличествующих такому горю симптомов не обнаружилось. Однако, ему показалось, что дело на мази и стоит рискнуть, так что он со значительным воодушевлением принялся стонать и охать.

Но Сид продолжал дрыхнуть без задних ног.

Том застонал громче, и ему показалось, что боль в пальце ноги стала усиливаться.

Стоны тома стали настойчивее и громче. Никаких результатов. Сид лежал, как бревно.

К этому времени Том уже задыхался от напряжения, истратив невероятные усилия на свои охи и вздохи. Он немного отдохнул, а потом наполнил всю грудь воздухом и выдал целую симфонию восхитительных стонов.

Сид продолжал храпеть.

Том был раздражён. Он сказал: «Сид, Сид!» – и встряхнул его. Этот приём сработал хорошо, Сид зашевелился, и Том снова начал методично стонать. Сид зевнул, потянулся, приподнялся на локте и, фыркнув, уставился на Тома. Том продолжал стонать. Сид сказал:

– Том! Скажи, что с тобой, Том!

Нет ответа!

– Сюда, Том! Том! В чем дело, Том?

Тут Сид встряхнул Тома и с тревогой уставился ему в лицо.

Том застонал:

– О, не надо, Сид! Не надо меня трясти!

– Почему, в чем дело, Том? Я позову тётю!

– О, нет! Не надо! Это мелочи! Может быть, со временем пройдёт! Прошу тебя! Не зови никого!

– Но я должен! Не стони так, Том! Это ужасно! Сколько это у тебя?

– Несколько часов! Ой! Ой, не трогай так, Сид, ты убьешь меня!

– Том, почему ты не разбудил меня раньше? О, Том, не надо! Не умирай! У меня мурашки бегут по телу, когда я слышу твои вопли! Том, в чем дело?

– Я прощаю тебе всё, Сид! (Стонет) Всё, что ты когда-либо делал со мной! Когда я умру...

– О, Том, ты ведь не умрёшь, правда? Не надо, Том... ох, не надо!

– Я прощаю всех, Сид! (Стонет) Передай им это, Сид! А ты, Сид, отдай мою сломанную оконную раму и одноглазого котёнка той новенькой, что приехала в город, и скажи ей...

Но тут Сид схватил свою одежду и убежал. Том теперь страдал наяву, так прекрасно работало его воображение,

и поэтому его стоны приобрели вполне натуральный оттенок.

Сид слетел вниз и сказал:

– О, тётя Полли, скорее! Том умирает!

– Умирает?

– Да, мэм, идёмьте скорее! Надо торопиться!

– Чушь собачья! Я в это не верю!

Но тем не менее она побежала наверх, а Сид и Мэри следовали за ней по пятам. И лицо её меж тем побледнело, а губы дрожали. Добравшись до кровати, она ахнула:

– Ты, Том!?! Том, что с тобой?

– О, тётушка, я...

– Что с тобой... что с тобой, дитя моё?

– Ох, тетушка... у меня болит... палец на ноге!

Пожилая дама бессильно опустилась в кресло и прыснула, потом заплакала, а потом сделала и то и другое вместе. Это восстановило её потрясённые скорбным известием силы, и она сказала:

– Том, какое испытание ты мне устроил! Том! А теперь заткнись и вылезай оттуда!

Стоны прекратились, и боль в пальце ноги, похоже, исчезла. Мальчик почувствовал, что попал в довольно глупую ситуацию, и сказал:

– Тётя Полли, мне показалось, что это так опасно, и мне было так больно, что... я совсем забыл про больной зуб!

– Больной зуб? Что стряслось с твоим зубом?

– Он болтается, и болит ужасно!

– Ну-и-ну, ну же, ну, Том, прекрати свои дурацкие стоны! Мигом открыть рот! Ну, да, зуб у тебя болит, но ты от этого не помрёшь! Мэри, принеси мне шёлковую нить и горящую головню из кухни!

Том взмолился:

– О, пожалуйста, тётушка, не рвите его! Мне уже совсем не больно! Чтоб я сдох, если у меня болит зуб! Пожалуйста, не надо, тётя! Я уже не хочу оставаться дома! Я всё равно пойду в школу!

– Пойдёшь в школу? Чего тут не понятно? Значит, весь этот скандал был из-за того, что ты решил остаться дома и вместо школы пойти на рыбалку? Том, Том, я так тебя люблю, а ты, кажется, всеми силами стараешься разбить моё старое бедное сердце своим безобразными выходками!

К этому времени зубные инструменты были наготове. Старушка завязала петлю на зубе Тома, а другой конец нити привязала к стойке кровати. Затем она схватила кусок горящего полена и внезапно сунула его почти в лицо мальчику. Зуб остался болтаться на столбике кровати.

Но все бедствия, случающиеся в жизни, как правило, имеют оборотную сторону. Когда после завтрака Том шествовал в школу, ему завидовали все мальчишки, которых он встречал по пути, потому что щель в верхнем ряду зубов позволяла ему по-новому и восхитительно плевать на дорогу. Он собрал довольно много поклонников нового спосо-

ба, готовых идти на край света, только бы посмотреть, как можно плевать, и его главный конкурент – мальчик с порезанным пальцем, который был до сих пор центром всеобщего восхищения и почитания, теперь внезапно оказался без приверженцев и мгновенно лишился своей славы. На сердце у него стало тяжело, и он сказал с поддельным презрением, что плевать так, как Том Сойер – любому по плечу, но другой мальчик сказал, презрительно ухмыльнувшись: «Зелен виноград!» и новоявленный изгой побрёл прочь согнувшись, как поверженный в прах лузер и чмо.

Вскоре Том наткнулся на молодого деревенского парию, Гекльберри Финна, сына известного городского пьянчуги. Гекльберри ненавидели и боялись все матери в округе, потому что он был лентяй, хулиган, дурак, неряха, свинья и подонок, и вероятно поэтому все их дети страшно восхищались им, радовались его запретному обществу и все до одного желали походить на него. Том же был похож на остальных мальчиков из приличных семей, и тоже втайне завидовал Гекльберри и его статусу отверженного всеми изгоя, хотя ему строго-настрого запретили видаться и играть с ним. Поэтому Том был горазд играть с ним всякий раз, когда у него была хоть малейшая возможность. Гекльберри был всегда одет в старые, развевающие на ветру обноски с чужого плеча, должно быть, это были вещи какого-то взрослого дяди, испещрённые пятнами, порезами и большими цветастыми заплатами. Его шляпа представляла собой огромную развалю-

ху с широким полумесяцем, торчащим из полей; его сюртук свисал почти до пят и имел задние пуговицы в акватории заднего места, причём его старые брюки героически поддерживала только одна подтяжка, а сиделище брюк отключивалось и отвисало, как мешок. Общую картину завершала расхристанная бахрама штанин, волочившаяся по грязи, когда не была подвёрнута на ноге.

Гекльберри был вольной птицей. Он всюду появлялся и отовсюду исчезал по собственной воле. В хорошую погоду он спал на пороге чужих домов и в пустых сараях, в сырую погоду ночевал в пустых бочках; ему не нужно было ходить в школу или в церковь, не нужно было слушаться учителей или подчиняться кому-то; он мог ходить на рыбалку или купаться, когда и где ему вздумается, и оставаться там, где ему заблагорассудится; никто не запрещал ему драться; он мог сидеть на одном месте так долго, как ему вздумается; он всегда был первым мальчиком, который ходил босиком весной и последним, кто влезал в башмаки осенью; ему никогда не приходилось ни мыться, ни надевать чистое бельё; и наконец, он умел ругаться так чудесно, как никто. Одним словом, ему принадлежало всё, что делает жизнь мальчика драгоценной. Так думал каждый измученный, стесненный школой и приличиями любой приличный мальчик в Санкт-Петербурге.

Том поприветствовал романтического бродягу:  
– Привет, Гекльберри!

– Здравствуй и ты, коли не шутишь! Посмотрим, как тебе это понравится!

– Что это у тебя?

– Дохлая кошка!

– Дай мне взглянуть на неё, Гек! Боже, она уже задеревенела! Где ты её надыбал?

– Купил у одного парня!

– А что дал за неё?

– Синий билет и бычий пузырь, который я украл на бойне!

– Откуда у тебя синий билет?

– Купил его у Бена Роджерса две недели назад за обруч с палкой!

– Слушай, Гек, а на что годятся дохлые кошки?

– Как это на что? А бородавки чем сводить?!

– Нет! Не может быть! Есть средства получше!

– Спорим, нет? И что это?

– Гнилая вода!

– Сам ты гнилая вода! Ничего твоя гнилая вода не сводит!

– Откуда ты знаешь? Ты когда-нибудь пробовал?

– Не я, а Боб Таннер!

– Кто тебе это сказал?

– Ну, он сказал Джеффу Тэтчеру, а Джефф сказал Джонни Бейкеру, а Джонни сказал Джиму Холлису, а Джим сказал Бену Роджерсу, а Бен сказал негру, а негр сказал мне. Ну, вот и всё!

– Ну и что из того? Они все лгуны! По крайней мере, все,

кроме негра! Я его вообще не знаю! Но я никогда не видел негра, который бы не лгал! Чушь это всё! А теперь расскажи мне, как Боб Таннер это делал, Гек!

– Ну, он взял и сунул руку в гнилой пень, где была дождевая вода!

– Днём?

– Само собой!

– Лицом к пню?

Утвердительный кивок.

– А то как же ещё!

– Он что-нибудь сказал?

– Не знаю! Вроде ничего! Я не знаю!

– Ага! Ещё бы тебе удалось свести бородавки с помощью гнилой воды таким идиотским методом! Пользы от этого ноль! Ты должен пойти совсем один, в самую лесную чащобу, где у тебя на примете есть пень с гнилой водой, и как только наступит полночь, прижаться спиной к пню, протянуть руку и прошептать:

«Ячмень-ячмень! Загнивший пень!

Гнилая вода! Бородавки – сюда!»,

а потом тикай оттуда, одиннадцать шагов – с закрытыми глазами, а потом трижды повернись кругом и вали домой, ни с кем не базаря. Потому что, если ты скажешь хоть слово, заклинание не подействует!

– Ну, это звучит клёво, но Боб Таннер делал не так!

– Ну, в этом, старик, я сомневаюсь! Потому что у него

больше бородавок, чем у кого бы то ни было в городе, а могло бы вовсе не быть, если бы он знал, как обращаться с гнилой водой. Гек! Я так уже свёл с рук тысячи бородавок! Я часто вожусь с лягушками, что у меня всегда чёртова куча бородавок! Иногда я свожу их и с помощью боба!

– Да, боб классный! Я уже пробовал! И у тебя бородавки водятся? А ты как с ними?

– Ты берёшь и раскалываешь боб на две половинки, и режешь бородавку, чтобы было немного крови, а потом мажешь кровью одну половинку боба, и берёшь, и роешь ямку, и закапываешь эту половинку в полночь на перекрестке дорог в полнолуние, а вторую половинку боба сжигаешь. Оп – и всё! Понимаешь, та половинка, на которой есть капля крови, будет продолжать тянуть к себе другую половинку, у них всё так, и это помогает крови найти бородавку, и тогда очень скоро она отвалится!

– Да, так оно и есть, Гек, так оно и есть, хотя, когда ты будешь хоронить боб, ещё нужно к тому же причитать «Зарыл боб, бородавка – долой! Иззыди, фигня, иди от меня!» Так-то будет лучше! Именно так поступает Джо Харпер, а уж он доезжал почти до Кунвилла и был почти везде! Но скажи, как это лечить бородавки дохлой кошкой?

– Ну, ты берёшь свою дохлую кошку и идёшь с ней на кладбище, всё это в полночь, когда хоронят какого-нибудь мерзкого нечестивца, а когда наступает полночь, приходит дьявол, а может быть, их два или три штуки, но ты их

не видишь, только слышишь нечто вроде шуршания или ветра или, может быть, слышишь, как они разговаривают шёпотом, и когда они начинают волочь этого чувака в ад, ты протягиваешь им вслед свою дохлую кошку и говоришь: «Дьявол – за трупом, за дьяволом – кот, ты, бородавка, ступай в оборот, за котом иди гуртом, тут тебе и конец!» Эта сказка снесёт любую бородавку!

– Звучит классно! Ты когда-нибудь такое пробовал, Гек?

– Нет, но так мне говорила старуха Гопкинс!

– Ну, тогда я думаю, что всё о-кей! Потому что все говорят, что она ведьма!

– Ну, ты и даёшь! Говорят! Ха! Я точно знаю, что так оно и есть! Она навела порчу на моего папашу! Папаша сам говорил! Однажды он шёл и увидел, что она на него порчу наводит, тогда он взял камень, и если бы она не увернулась, он бы её точно убил! Ну, и в итоге он в ту же ночь свалился с сарая, где лежал вдупель пьяный, и сломал себе руку!

– Какой кошмар! И как он узнал, что она напускает на него порчу?

– Боже мой, страсти какие! Мог бы и сам догадаться! Папаша говорил, что когда они впериваются в тебя таким особым, угрюмым, пристальным взглядом, начинают просто пялиться в твои глаза, это значит, что они тебя охмуряют и напускают на тебя порчу. Особенно если они при этом что-то бормочут и сопли пускают. Потому что, когда они бормочут, они всегда произносят молитву «Отче Наш», да только эта

молитва у них шиворот-навыворот!

– Слушай, старик, когда ты собираешься испытать кота?

– Сегодня вечером! Я думаю, ночью они придут за старым прощельгой Уильямсом!

– Но они его ведь в субботу похоронили! Разве они не уволокли его ещё в субботу вечером?

– Ох, что ты несёшь!?! До полуночи они его не могли прибрать, а потом, бац, наступило воскресенье. Мне кажется, черти не слишком любят шастать по кладбищам по воскресеньям!

– Мне такое в голову не приходило! Ладно! Можно я пойду с тобой?

– Конечно, если не струсил!

– Я? Струшу? Никогда! Мяукни мне!

– Да! А ты мяукни в ответ! Только слушай ушами! В прошлый раз я столько раз тебе мяукал, что весь охрип от этих мяу, пока старина Хейз не стал швырять в меня камнями и не заорал: «Чёрт бы побрал этого облезлого кота!», и мне пришлось швырнуть ему в окно кирпич! Никому не говори об этом!

– Я не мог мяукать в ту ночь, потому что тётя следила за мной, как бешеная, но теперь я точно мяукну! Слушай! Что это такое?

– Где? Ничего! Просто клещ!

– Где ты его взял?

– Там, в лесу!

– Что хочешь за него?

– Хох! Понятия не имею! Такое не продаётся!

– Ладно! Мелкий он какой-то! Почти не видать!

– Ох, любому нравится ругаться на такого клеща, когда он – не его! А по мне он просто великолепен! Вполне приличный клещ по мне!

– Да уж! В лесу полным-полно клещей! Я мог бы набрать их там целую кучу, если б захотел!

– И за чем дело стало? Ничего ты там не найдёшь! Ты прекрасно знаешь, что ничего не найдёшь! Их ещё нет! Вот в чём фишка! Это самый ранний клещ! Первый клещара, которого я выловил в этом году!

– Послушай, Гек, я отдам тебе за него свой зуб!

– А ну покажи!

Том достал бумажку и осторожно развернул её. Гекльберри задумчиво посмотрел вниз. Внезапно овладевшее им искушение приобрело невероятную силу. Наконец он спросил:

– Настоящий?

Том приподнял губу и показал пустоту.

– Ну ладно! – сказал Гек, – Давай, по рукам!

Том положил клеща в коробку от капсулей, ту самую, которая недавно была тюрьмой для жука, и мальчишки разошлись, ощущая себя несметными богачами.

Когда Том подошёл к маленькому отдельно стоящему школьному домику, он ворвался в него с видом человека, страшно боявшегося опоздать. Он повесил шляпу на крю-

чок и бросился на своё место. Учитель, восседая в своём огромном плетёном кресле, словно на высоком троне, дремал, убаюкиваемый сонным жужжанием учеников. Явление Тома пробудило его.

– Томас Сойер!

Том знал, что когда его имя произносится целиком, и таким тоном, не обещает ничего хорошего!

– Сэр!

– Томас Сойер!

– Я!

– Идите сюда! Вы всегда опаздываете! Опоздали! А теперь, сэр, скажите, почему вы опять опоздали?

Том уже собрался прибегнуть к святой лжи во спасение, как вдруг увидел два длинных желтых хвоста на девичьей спине, которые он узнал по электрическому удару любви, и увидел единственное свободное место на женской половине класса. Он сказал:

– Я остановился поболтать с Гекльберри Финном!

На мгновение учитель окостенел, как будто его ударили по голове молотком, а потом удивлённо уставился на Тома. Жужжание в классе мгновенно смолкло. Ученики гадали, не сошёл ли этот безрассудный наивный тупица с ума. Учитель процедил:

– Ты... Так... ты...

– Да! Я остановился поболтать с Гекком Финном!

Учитель понял, что на сей раз не ослушался.

– Томас Сойер, это самое поразительное, самое уникальное признание из тех, какие мне когда-либо удавалось слышать! Жаль, что я не оглох раньше! Одной линейки за такое – слишком мизерная плата! Сэр! Снимите-ка, пожалуйста, свою курточку!

Рука мастера денно и ночью трудилась до тех пор, пока не устала, а запас хвороста не истощился. Том безмолвствовал. Затем последовал приказ:

– А теперь, сэр, идите и сядьте с девочками! И пусть это послужит вам уроком на всю жизнь!

Отвратное хихиканье, пробежавшее по комнате, казалось, смутило мальчика, но на самом деле этот эффект был вызван скорее благоговейным трепетом перед неизвестным милым идолом и ужасным удовольствием, которое таилось в этой неожиданной встрече. Это была удача! Он осторожно сел на край сосновой скамьи, и девушка демонстративно отстранилась от него, потрянув кудрями. Тычки, подмигивания и перешептывания проносились по комнате, как волны, но Том сидел неподвижно, положив руки на длинный низкий стол перед собой, и, казалось, чрезмерно внимательно изучал свою инкунабулу.

Мало-помалу на него перестали обращать внимание, и школьный класс снова переполнился привычным унылым шмелиным гудением. Вскоре мальчик бросил первый взгляд и потом начал украдкой поглядывать на девочку. Она заметила это, «скривила рот» в его сторону и на минутку небреж-

но отвернулась, предоставив ему возможность наслаждаться видом своего нежного затылка. Когда она снова осторожно обернулась, перед ней лежал спелый персик. Она оттолкнула его с презрением. Том осторожно положил его обратно. Она снова оттолкнула его, но уже с меньшей враждебностью. Том терпеливо вернул персик на своё законное место. Наконец она позволила персику остаться. Том нацарапал на грифельной доске: «Пожалуйста, возьми его. У меня есть ещё».

Девушка взглянула на писанину, но сделала вид, что либо не очень вдохновлена посланием, либо не умеет читать. Тогда мальчик начал что-то рисовать на грифельной доске, прикрывая свой живописный перл левой рукой. Какое-то время девушка отказывалась что-либо замечать, но вскоре её человеческая любознательность, судя по едва заметным признакам, взяла верх над её женским притворством. Мальчик продолжал трудиться в поте лица, по-видимому, увлечшись работой до умопомрачения. Девушка сделала новую едва заметную попытку подсмотреть, но мальчик не подал виду, что заметил эту робкую попытку. Наконец она сдалась и нерешительно прошептала:

– Позвольте же мне посмотреть!

Том приоткрыл одну сторону мрачной карикатуры, изображавшей дом с двумя кривыми фронтонами и чёрным штопором дыма, выходящим из трубы. Тут интерес девушки к работе многократно умножился, и она забыла обо всём остальном. Когда шедевр был завершён, она на мгновение

задумалась, а потом прошептала:

– Было бы очень неплохо пририсовать человечка!

Художник послушался и присобачил на переднем дворе какое-то матёрое человечье, больше, правда, похожее на буровую вышку, чем на рядового гомо-сапиенса. Хотя он был такого размера, что легко мог бы перешагнуть через дом, однако девушка не была чересчур критична, и ей в общем-то нравилось это чудовище, в результате чего она прошептала:

– Какой прекрасный человечек! А теперь, если можно, сэр, нарисуйте меня!

Том начертил какие-то песочные часы вкупе с полной Луной и соломенными ветками по бокам и вооружил растопыренные пальцы зловещим веером. Девушка сказала:

– Ох, как мило! Жаль, я не умею рисовать!

– Это легко! – прошептал Том, – Я тебя научу!

– Ты умеешь? Когда?

– В полдень! На переменке! Ты идёшь обедать домой?

– Я останусь, если ты не против!

– Хорошо! Даже здорово! Как тебя зовут?

– Бекки Тэтчер. А вас? О, я знаю! Вас зовут Томас Сойер!

– Это имя, предназначенное для порки! Под ним меня всегда секут! На самом деле, когда мне хорошо, я – Том! Зовите меня Том, хорошо?

Утвердительный ответ.

Теперь Том стал что-то снова царапать на грифельной доске, закрывая написанное рукой. Но на этот раз девочка

не отступала. Она умоляла, чтобы Том дал ей посмотреть.

– Что у вас там?

Том сказал:

– О, да так, мелочёвка!

– Нет-нет, дайте мне посмотреть!

– Нет, тебе не стоит этого видеть!

– Нет, стоит! Пожалуйста, позвольте мне посмотреть!

– Ты расскажешь кому-нибудь!

– Нет, не расскажу, никогда и никому на свете!

– Ты вообще никому не расскажешь? Никогда-никогда, пока жива?

– Нет, я никогда никому не расскажу! А теперь позвольте мне посмотреть!

– О, тебе не нужно это видеть!

– Ну, раз ты так обращаетесь со мной, я сама посмотрю!

И она положила свою маленькую ручку на его руку, и между ними началась небольшая потасовка. Том притворялся, что сопротивляется всерьёз, но постепенно его рука соскользнула, пока не стали видны слова:

«Я люблю тебя.»

– Ах ты, скверный мальчишка! – сказала она и с силой ударила его по руке, но всё равно потом покраснела и, честно говоря, при этом выглядела очень довольной.

Как раз в этот момент мальчик почувствовал, как медленная, роковая клешня сомкнулась на его ухе, и неведомая сила стала тянуть его вверх. Таким образом, его мгно-

венно пронесли через весь класс и усадили на его собственное место под обжигающим огнём хохота всей школы. Затем несколько ужасных мгновений учитель нависал над ним и, наконец, отошёл к своему трону, не проронив больше ни слова. Но хотя в ушах у Тома звенело, сердце его всё равно до краёв было полно ликованием.

Когда класс угомонился от хохота, Том честно попытался поучиться, но внутренне смятение было слишком сильно. На уроке чтения он хромал и делал ошибки, на уроке географии превратил озёра в горы, горы в реки, а реки в континенты, таким образом возвратив мир в состояние первобытного греха и хаоса, затем в классе правописания так перекурочил самые примитивные слова, что у него отняли наградную оловянную медаль, которой он много месяцев похвалялся перед соучениками.

## Глава VII

Чем больше Том старался сосредоточиться на фолианте, тем больше путались его мысли. Наконец, вздохнув и зевнув, он сдался. Ему казалось, что полуденный перерыв никогда не наступит. Воздух был совершенно мёртв. Вокруг не было ни малейшего дуновения атмосферы. Это был самый сонный из самых сонных дней. Сонное бормотание двадцати пяти ученых усыпляло душу, как древнее заклинание, содержащееся в жужжании пчел. Далеко в пылающем солнечном свете Кардиффский Холм вздымал свои плавные зелёные бока сквозь колеблющийся раскалённый воздух, лёгким пурпуром на расстоянии окрашивая землю. Несколько больших птиц лениво парили высоко в воздухе. Кругом не было видно ни одной живой души, кроме нескольких коров, да и те, казалось, спали вечным сном. Сердце Тома ныло от желания поскорее освободиться от этой убийственной тяготы или уж худой конец заняться чем-нибудь интересным, и тем скоротать тоскливые школьные часы. Его рука скользнула в карман, и лицо озарилось благодарственной улыбкой, которая была словно была ответом на его молитву, хотя он и не понял этого. Затем из кармана украдкой вылезла коробочка из-под капсулей. Он бережно вынул клеща и выложил его на длинный плоский стол. Божья тварь тоже, вероятно, возблагодарила небеса за своё неожиданное освобождение,

впрочем, как оказалось, преждевременно, потому что когда клещ с благодарностью рванул прочь, Том тут же булавкой вернул его на истинный путь и заставил ползти в обратном направлении.

Рядом, умирая от ужасной скуки и тоски ничуть не меньше Тома, сидел его закадычный друг и приятель, и когда Том серьёзно занялся судьбой клеща, тот был страшно признателен Тому за возможность погрузиться в такое увлекательное развлечение. Этим закадычным другом был не кто иной, как Джо Харпер. Всю неделю мальчики были заклятыми друзьями, а по субботам сражались, как закоренелые враги. Джо вынул из лацкана пиджака булавку и принялся помогать пленнику упражняться в беге с препятствиями. Интерес к спорту у всех участников шоу мгновенно возрос. Однако вскоре Том заметил, что они поневоле мешают друг другу, и препятствуют клещу, и Джо сказал, что из-за этого чемпионские возможности и спортивные таланты клеща не раскрываются в полной мере.. Поэтому Том положил грифельную доску Джо на стол и провёл посередине её сверху вниз прямую линию.

– Теперь, – сказал он, – пока клещ на твоей стороне, ты можешь им распоряжаться и командовать, как хочешь, а я на время оставлю его в покое. Но как только ты позволишь ему пересечь линию и переползти на мою сторону, ты должен оставить его в покое, пока я смогу удержать его от перехода границы!

– Ладно, давай, заводи его!

Вскоре клещ вырвался из рук Тома и пересёк экватор. Джо еще немного помучил его, а потом позволил снова перейти дорогу. Это переходы происходили довольно часто. В то время как один мальчик щекотал клеща со всепоглощающим интересом, другой смотрел на него с завистью, – две головы склонялись вместе над грифельной доской, и две души на время умерли для всего остального. Наконец Фортуна, казалось, уgomонилась и навсегда выбрала Джо. Клещ, возбужденный и встревоженный своими приключениями, пробовал то так, то эдак прорваться к владениям Тома, и выглядел таким же увлечённым, как и сами мальчики, но снова и снова, когда он, так сказать, одерживал победу, а пальцы Тома начинали дёргаться от нетерпения, булавка Джо ловко оказывалась на его пути, отгоняла и удерживала его в цепких лапах юного дрессировщика. Наконец Том не выдержал. Искушение было слишком велико. Поэтому он протянул руку с булавкой и стал подталкивать и понукать клеща двинуться в свою сторону. Джо мгновенно разозлился. И сказал:

– Том, а ну оставь его в покое!

– Ты что? Я просто хочу немного расшевелить его, Джо!

– Нет, это несправедливо, а ну, оставьте его в покое!

– Виноват, но я не собираюсь его трогать!

– Оставь его в покое, говорю тебе!

– Ещё чего!

– Не трогай его! Он на моей стороне!

– Послушайте, Джо Харпер, скажите мне, чей это клещ?

– Мне всё равно, чей это клещ! Он на моей стороне, и всё тут! Не тронь его!

– Ну, я готов поспорить, что я тебе это позволю! Это мой клещ, и я сделаю с ним всё, что хочу, чтоб мне сдохнуть на этом месте!

Страшный удар железной учительской клешни обрушился на плечи Тома, а его ужасный двойник – на плечи Джо Харпера, и в течение двух минут пыль столбом стояла над двумя куртками, в то время как вся школа наслаждалась этим прекрасным зрелищем. Мальчики оказались слишком поглощены своим несравненным времяпровождением, чтобы заметить могильную тишину, воцарившуюся в школе сразу после того, как учитель на цыпочках стал красться по классу, пока не замер над ними, как богомол над двумя наивными, добродетельными мухами. Он успел оценить большую часть представления, прежде чем решил внести в него свою долю разнообразия и новизны.

Когда в полдень занятия закончились, Том подлетел к Бекки и выпалил ей в ухо:

– Надень шляпу и делай вид, что идёшь домой, а когда дойдёшь до угла, дай остальным ускользнуть, потом сверни в переулок и быстрее возвращайся назад! Я пойду в другую сторону, избавлюсь от всех и вернусь к тебе!

Итак, одна отправилась с одной группой учёных, а другой – с другой. Через некоторое время они встретились

в конце переулка, и когда они добрались до школы, вся она была в их полном распоряжении. Потом они сели рядом, положив перед собой грифельную доску, и Том дал Бекки карандаш, взял её руку в свою, и направляя её, умудрился начертать ещё один удивительный дом. Когда интерес к искусству стал угасать, они разговорились. Том купался в блаженстве. Наконец он сказал ей:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.